

№ 1.

МАЙ 1924 года

СОДЕРЖАНІЕ.

БѢЛГРАДЪ
Русская Типографія, Космайская, 20.

Вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ о десную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земная.
Колос. III, 1.

СТРАННИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ БОГОСЛОВСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ
Евр. XIII, 14.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ КРУЖКА СТУДЕНТОВЪ-БОГОСЛОВОВЪ имени СВ. ІОАННА БОГОСЛОВА.

№ 1. Май 1924 года № 1.

ХРИСТОСЪ ПОСРЕДѢ НАСЪ.

Въ глубокой исторической перспективѣ, въ дали тысячелѣтій, человѣчество, утратившее свое блаженное состояніе, изнывало подъ тяжестью грѣха, совершеннаго прародителями, и постоянно искало выхода изъ тьмы и сѣни смертнѣй, жаждало возобновленія непосредственной связи съ Богомъ. Данный чрезъ Моисея еврейскому народу законъ, открывалъ, но не давалъ еще возможности грядущаго спасенія; онъ былъ только этапомъ, испытаніемъ, — насколько человѣчество способно къ воспріятію грядущаго царствія Божія. И человѣчество, въ лицѣ избраннаго Богомъ, народа еврейскаго, не выдержало испытанія. На пути въ обѣтованную землю искушеніе и ропотъ на Бога были причиной того, что Онъ въ гнѣвѣ своемъ поклялся, что „они не войдутъ въ покой Мой (Псал. 95, II)“. Но и тогда были отдѣльные люди, праведные и угодившіе Богу, сознавшіе себя овцами въ рукѣ его (ib. 7).

Законъ Моисеевъ имѣлъ только тѣнь будущихъ благъ (Евр. X, 1) и тѣмъ сильнѣе должно было быть ожиданіе новаго завѣта, закона благодатнаго, показующаго „ветхость перваго (Евр. VIII, 13)“. Слово, возвѣщенное еще въ ветхомъ завѣтѣ (пс. CXLVII (147), 15) „стало плотью и вселилось въ ны“, „Богъ, преклонь небеса, сниде“, принялъ зракъ раба, дабы не только взять, но и понести грѣхи міра, искупить насъ честною своею кровію отъ клятвы законныя... Произошло новое „потрясеніе“, по выраженію св. Григорія Богослова, освободившее человѣчество отъ прародительскаго грѣха; радостными стали физическія страданія мучениковъ, ибо за гранью этихъ мученій лежало неизъяснимое блаженство соединенія съ Христомъ... Произнесенное Христомъ слово о любви, какъ потокъ воды живой, поднимаетъ нравственную природу человѣческую, успокаиваетъ смятенную душу, даруетъ пламенную вѣру и паки возраждается погибшій человѣкъ... Возраждается... Ибо „воскресе Христосъ и жизнь жительствуетъ (Іоаннъ Злато-

устъ)“. Вотъ гдѣ начало нашей міровой радости о Христѣ Іисусѣ, здѣсь опора нашего церковнаго сознанія и отсюда струится благодать нашего сыновства въ Богѣ. Здѣсь начала истиннаго богопознанія... Христосъ создалъ новаго человѣка (Игнатій Богон., ad Ephes., 20, 1). И всѣ вѣрующіе необходимы для созиданія тѣла Христова, возносимые на высоту Его орудіемъ, которое есть крестъ, пользуясь вервію — Духомъ святымъ. „Вѣра возводитъ васъ“, говоритъ Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Ефесянамъ: „а любовь — путь возводящій къ Богу“. Поэтому вы всѣ спутники другъ другу: Богоносцы и храмоносцы, христоносцы, святоносцы, во всемъ украшенные заповѣдями Іисуса Христа (ad Ephes. 9). „Пастырь“ Ермы, книга распространенная для чтенія въ церкви въ первые вѣка христіанства, еще болѣе подчеркиваетъ церковное единеніе, называя его плодомъ воплощенія Сына Божія и дарованія Святаго Духа.

Христосъ, какъ глава Церкви, Церковь — какъ Его живое тѣло, ученіе Христа — какъ источникъ истиннаго Богопознанія и на сліяніи трехъ этихъ граней покоится православное самосознаніе. Ходить въ истинѣ Богопознанія, влиться съ любовью въ церковное единеніе — значитъ ощутить Христа, увѣриться въ Его постоянномъ невидимомъ присутствіи среди насъ... Въ историческомъ теченіи христіанства Ликъ Христовъ былъ тѣмъ, къ чему стремилась и живая, дѣятельная вѣра, и подвигъ милосердія и глубокое внутреннее созерцаніе Свѣта Невечерняго. И какъ, на далекихъ граняхъ человѣческихъ опредѣленій пространства и времени, несоединимы были св. Францискъ Ассизскій и св. Серафимъ Саровскій, такъ въ надвременномъ и надпространственномъ ощущеніи Христа они были близки другъ другу: одинъ, называвшій осла своимъ братомъ, другой кормившій медвѣдя въ лѣсу. Какъ близки въ томъ же духовномъ единеніи ученый монахъ средневѣковья Цезарій Гейстербахскій и наивный идеалистъ, дитя Московской Руси, старецъ Филоѳей. Цѣлыя эпохи въ жизни человѣчества какъ бы всей полнотой своей жизни приближались къ созерцанію Христа и запечатлѣвали его въ исторіи. Это эпохи полной церковной жизни.

Не переживаемъ ли мы эпоху такихъ реальныхъ, ощутимыхъ соприкасаній съ Христомъ, когда Церковъ въ сознаніи человѣчества понимается, какъ „широта и долгота, глубина и высота (Ефес. III, 18)“ и что она одна можетъ сдѣлать „просвѣщенными очеса сердца нашего, чтобы увидѣть, кое есть упованіе званія нашего, кое богатство славы, достоянія во святыхъ и кое преуспѣющее величество силы Его, дѣйствующей въ насъ (Ефес I, 18)“. И никогда можетъ быть, какъ теперь о нешвенномъ хитонѣ Христова ученія мечутъ жребій и усваиваютъ его себѣ различныя философскія направленія и

quasi-христіанскія секты, искажая Его ученіе въ угоду личнымъ вкусамъ и въ мѣру плотского мудрованія. Но Христосъ, проповѣдуемый нашей Церковью не былъ „да“, или „нѣтъ“, или одновременно „да и нѣтъ“, а только „да“, ибо Онъ „вчера и днесь Той же и во вѣки“. И какъ намъ отказаться отъ истины, заключающейся въ Церкви, гдѣ такъ благодатно ощутимо присутствіе Христа. И можемъ ли мы дать другой отвѣтъ, въ своей душевной тревогѣ, на искушающій вопросъ: „Неужели и ты съ Іисусомъ Назорeяниномъ“? какъ не сказать въ молитвенномъ трепетѣ: „Господи, куда намъ итти, Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“.

Мы вѣримъ въ освящающее присутствіе Христа среди насъ, вѣрующихъ во имя Его, и съ надеждою говоримъ нашимъ читателямъ: „Христосъ посредѣ насъ“! и ждемъ, полнаго знаменательнаго смысла, отвѣта, что онъ не только есть, но и будетъ во вся дни до скончанія вѣка.

ІОСИФЪ РАСТОРГУЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА.

Студенты богословскаго факультета Бѣлградскаго университета, основавшіе въ своей средѣ богословскій кружокъ въ честь св. Іоанна Богослова просили меня сказать имъ двѣ лекціи или бесѣды о своемъ Патронѣ. Лекціи эти я началъ съ изложенія доказательствъ въ пользу единства автора IV-го евангелія, трехъ посланій и аппокалипсиса; второй отдѣлъ моихъ бесѣдъ раскрываетъ отношеніе IV-го евангелія къ первымъ тремъ и къ современному ихъ положенію Іудеи; четвертый отдѣлъ опредѣлялъ главную идею твореній Іоанновыхъ въ связи съ тезисами первыхъ трехъ отдѣловъ; идея эта заключается въ указаніи вѣчной борьбы Христа и Его Церкви съ миромъ и въ частности съ іудействомъ.

Дальнѣйшія части моихъ бесѣдъ за недостаткомъ времени были излагаемы сокращенно, раскрывали самое содержаніе проповѣди Іоанновой или проповѣди Христовой у Іоанна. Тутъ рѣчь должна быть о томъ, что воплощенное Слово внесло въ міръ новую жизнь, т. е. не новые нравы только, но новое бытіе, начинающееся въ рожденіи отъ Бога той части человѣчества, которая предназначена къ спасенію; второй тезисъ этого отдѣла — жизненное органическое единство рожденныхъ отъ Бога съ Сыномъ Божіимъ и съ Богомъ Отцомъ черезъ пребывающаго въ нихъ Утѣшителя; третій тезисъ — сила, которою поддерживается это общеніе — не мистическая, но моральная, т. е. соблюденіе заповѣдей и молитва во имя Христово, всегда исполняемая Богомъ; четвертый тезисъ — плодъ такой жизни: постоянная радость о Богѣ, основанная на любви, вѣрѣ и безстрастіи къ міру сему. Пятый тезисъ — здѣсь эта радость начинается, а увѣнчивается вполнѣ блаженствомъ въ царствіи небесномъ.

О самомъ Апостолѣ Іоаннѣ, — противъ Ренана, отыскивавшаго въ немъ черты самолюбія и желанія представить свое первенство среди учениковъ Христовыхъ. Церковное преданіе о томъ, что Онъ не умеръ. Опроверженіе нѣкоторыхъ протестанскихъ заблужденій, связанныхъ съ его посланіемъ.

Какую же идею, возвѣщенную Духомъ Божіимъ черезъ евангелиста Іоанна Богослова, будемъ мы излагать въ настоящемъ очеркѣ, ибо, если возьмемся передавать на бумагѣ все только что намѣченное, то потребуется болѣе 5 печатныхъ листовъ при самомъ сжатомъ изложеніи. Поэтому возьмемся за самое спеціально Іоанново и Іоанномъ изложенное Христово наученіе — о борьбѣ міра противъ Бога и особенно противъ Христа Божія. Въ учебныхъ руководствахъ, съ которыми мы знакомились въ разное время, и это и другія Іоанновы идеи или вовсе не оттѣнены или упомянуты только мимоходомъ. А между тѣмъ Іоаннъ, первый изъ Свящ. Писателей, противопоставилъ міръ и Бога, міръ и Христа, міръ и Христову Церковь, какъ двѣ борющіяся силы. Изъ его именно твореній почерпнуто такое противопоставленіе и въ церковной рѣчи и въ частности въ монастырской терминологіи. Мірской и Божій, мірянинъ и церковный или даже инокъ, мірской духъ, мірская слава, судить по мірскому, мірскія дѣла, мірскія удовольствія и пр. и пр., эти выраженія, проникшія во всѣ стороны христіанскаго быта, все это почерпнуто изъ евангелія отъ Іоанна, изъ его посланій и его Откровенія.

Торжественное введеніе въ благовѣстіе Іоанна сразу ставитъ предъ умственнымъ взоромъ читателя или слушателя эту противоположность „Въ мірѣ бѣ и міръ тѣмъ бысть и міръ Его не позна; во своя пріиде и свои Его не пріяша“. Первая картина Христовой жизни, начертанная Іоанномъ,— пристрастный допросъ фарисеевъ о личности Предтечи. Далѣе два отрадныхъ момента — призваніе учениковъ и бракъ въ Канѣ Галилейской, но затѣмъ слѣдуетъ изгнаніе Христомъ торгующихъ изъ храма и запросы недовольныхъ іудеевъ, потомъ бесѣда съ Никодимомъ, причемъ Господь уже сѣтуетъ на человѣческое невѣріе (4, 12) и такое же сѣтованіе Іоанна Крестителя о томъ же. Внимательный читатель уже по этимъ немногимъ словамъ евангелія видитъ, къ какому исходу клонится жизнь и проповѣдь Спасителя, а въ слѣдующей 4-й главѣ Господь, какъ бы предуказуя отпаденіе іудейства, ведетъ бесѣду съ самарянской женою и обращаетъ къ вѣрѣ ее, а черезъ нее и многихъ жителей Сихема, причемъ однако упоминаетъ о промыслительныхъ преимуществахъ іудеевъ, мысль которая не однажды повторяется и въ IV евангеліи и въ Апокалипсисѣ (3, 9) наряду съ укоризнами отверженному Израилю. Далѣе идетъ изложеніе событій, еще болѣе обостривших отношеніе іудейства къ Христу Спасителю: исцѣленіе разслабленнаго въ субботу, насыщеніе 5-ю хлѣбами пяти тысячъ, послѣ чего Господь уже не ходилъ по Іудеи, ибо тамъ Его искали убить (7, I), затѣмъ праздникъ Обновленія, когда народъ даже брался за камни, чтобы побить Христа, далѣе — исцѣленіе слѣпорожденнаго въ субботу и по-

слѣдовавшіе затѣмъ споры (и опять камни); наконецъ, воскресеніе Лазаря, послѣ котораго Синедріонъ постановилъ „убить Его“, даровавшаго жизнь умершему, входъ въ Іерусалимъ, утвердившій еще крѣпче враговъ Христовыхъ въ этомъ намѣреніи, постановившихъ уже убить и Лазаря (Іоан. 12, 10). Далѣе слѣдуетъ свидѣтельствованіе съ небесъ и прямое свидѣтельство Господне о предстоящей Ему беззаконной казни; потомъ — Вечеря умовеній и Прощальная Бесѣда, въ которой еще разъ изложено Спасителемъ Его ученіе о борьбѣ съ Нимъ и съ Богомъ нечестиваго міра; является предатель со стражею и начинаются событія Христовыхъ страстей и воскресенія изъ мертвыхъ.

Всѣ эти событія отъ начала до конца связаны одною идеей: міръ и въ частности міръ іудейскій не хочетъ притти ко Христу, чтобы имѣть жизнь (Іоан. 5, 40), а не потому, что не знаетъ Его: нѣтъ они видѣли и возненавидѣли Его и Отца Его, а потому не имѣютъ извиненій своей винѣ.

Этою же мыслью о непримиримой враждѣ міра лежащаго во злѣ противъ Бога, Христа, христіанства и всѣхъ праведниковъ; начиная съ Авеля, проникнуто и посланіе Іоанна, а Апокалипсисъ представляетъ и будущее человѣчество въ томъ же свѣтѣ безсмѣнной борьбы его противъ Бога, его злобнаго упорства и нераскаянности несмотря на страшныя кары Господни (9, 21 и 16, 21). Только по воскресеніи мертвыхъ водворится торжество правды: великая слава и красота будетъ ее окружать, а нечестіе будетъ посрамлено и ввергнуто въ озеро огненное.

Современный (увы, уже столѣтній) методъ изъясненія священныхъ событій и словъ Библіи сводится къ тому, чтобы поставить ихъ въ самую тѣсную связь съ современнымъ имъ политическимъ моментомъ и притомъ преимущественно партійнымъ; по странному недоразумѣнію этотъ методъ принято называть научнымъ, и юноши, моложе 25 лѣтъ искренно вѣрятъ тому, что въ подобномъ сведеніи мыслей и словъ священныхъ писателей къ внѣшней или политической жизни дѣйствительно заключается научность изслѣдованія. Судя о другихъ по себѣ и о давно прошедшихъ временахъ по нашей жалкой изжившейся современности, нѣмецкіе библеисты не могутъ понять, что люди духа живутъ своимъ внутреннимъ міромъ, интересами вѣчности витаютъ своимъ духомъ въ прошедшемъ и будущемъ, и если говорятъ о современности и современникахъ, то sub specie acternitatis, т. е. не подчиняются господствующему настроенію толпы, къ преобладающему наклону общественной мысли, а напротивъ стараются отвлечь слушателей или читателей отъ интересовъ момента и ввести въ предѣлы интересовъ вѣчныхъ, въ клѣть своей совѣсти или въ созерцаніе глубинъ неба.

Менѣе другихъ св. книгъ нѣмецкая критика готова находить зависимость твореній Іоанна отъ политической минуты и опредѣляетъ ихъ какъ туманныя и мистическія философствованія, въ коихъ она склонна видѣть вліяніе александрійской философіи, іудея Филона и пр. нелѣпости, и совершенно просматривая ту единственную литературную связь, которую имѣетъ Евангеліе отъ Іоанна и его Апокалипсисъ съ Ветхимъ Завѣтомъ, откуда почерпнуто ученіе о Словѣ (псал. 105, 19; 106, 20 и особенно Премудр. 18, 15, 16), описаніе рая, (Тов. 13, 16—18) и вообще склонное заимствованію есхатологическихъ картинъ изъ Іезикіила и Даніила.

Наше истолкованіе главной идеи твореній Іоанновыхъ показываетъ, что не отвлеченной философіи, но живому раскрытію постепенной борьбы міра съ Христомъ и Богомъ посвящены его страницы. И въ его то твореніяхъ современныя ему событія отразились всего сильнѣе, несравненно сильнѣе, чѣмъ у прочихъ евангелистовъ. Разумѣемъ, однако, не самыя политическія событія, а то общее настроеніе, тѣ духовныя потребности христіанъ, которыя побудили Іоанна изложить въ пяти дошедшихъ до насъ священныхъ твореніяхъ свое, т. е. Божіе, ученіе о борьбѣ міра съ Христомъ.

Не должно закрывать глазъ на то дѣйсвительное настроеніе христіанъ послѣ вознесенія Господня и особенно ко времени преставленія большинства Его учениковъ, на которое, какъ на ошибочное, съ такимъ злорадствомъ указываютъ враги Христовой истины. Они говорятъ будто бы Спаситель опредѣленно обѣщалъ еще въ первомъ поколѣніи своихъ послѣдователей возвратиться на землю во всей славѣ и будто христіане пребывали въ такой напрасной надеждѣ до смерти всѣхъ непосредственныхъ учениковъ Христовыхъ. Послѣднее до нѣкоторой степени справедливо, но оно не было основано на правильномъ разумѣніи словъ Христовыхъ. Господь сказалъ: „аминь глаголю вамъ — суть нѣци отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ царствіе Божіе, пришедши въ силѣ"; но читайте дальше евангеліе: „По днехъ шестихъ поятъ Іисусъ Петра, Іакова и Іоанна на гору высоку едины и преобразился предъ ними". Вотъ эти то три апостола и увидали царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ по двукратному предупрежденію Господню (однажды за 6 дней, Мтф. 17, I, и однажды за 8 дней, Луки 9, 28). Ошибочное убѣжденіе о скоромъ пришествіи Христовомъ было такъ слѣпо, что въ день вознесенія Господня, Апостолы собравшись вокругъ Него, спрашивали: „Господи, не въ сей ли день Ты устраиваешь царство Израилево?" Апостолъ Петръ нескоро отказался отъ этой суетной надежды, ибо вскорѣ послѣ вознесенья выражалъ ее собравшемуся и увѣровавшему народу (Дѣян. 3 гл., 20 ст.). Только

въ старости своей онъ является уже обличителемъ этого земного пониманія царства Божія и укоряетъ христіанъ за ихъ ропотъ о долгомъ неисполненіи мнимыхъ обѣтованій Христовыхъ (2 Петра, 3, 4); то же дѣлаетъ и Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Солунянамъ (2 гл. 2, ст. 1—4), Апостолъ Іоаннъ въ концѣ своего евангелія къ словамъ Христовымъ „аще хощу, до той пребываетъ дондеже пріиду" и пр., прибавляетъ: „изыде же слово се въ братію, яко ученикъ той не умретъ и не рече ему Іисусъ, яко умретъ" и пр. — Долголѣтіе Ап. Іоанна, пережившаго своихъ собратьевъ, христіане конечно связывали съ надеждой на то, что къ нему по преимуществу относились слова: „иже не имутъ вкусити смерти, дондеже" и пр. — Но вотъ и сей ученикъ явно приближается къ смерти, а царство Божіе не приходитъ въ силѣ, гоненія не только продолжаются, но и усиливаются; наконецъ они направились на самого Апостола: его пытаются отравить ядомъ, укушеніемъ змѣи; когда Богъ сохранилъ дѣвственника отъ этихъ бѣдъ невредимымъ, его ссылаютъ на о. Пантмосъ. Естественно глубокое уныніе стало прокрадываться въ души христіанъ; первоначальный энтузіазмъ уступилъ мѣсто сомнѣніямъ. Не всѣ понимали, что страданія за вѣру имѣютъ высшую цѣнность въ очахъ Божіихъ, чѣмъ непродуманные восторги новообращенныхъ, иногда столь непрочные, какъ рѣшимость народа, насыщеннаго 5-ю хлѣбами, воцарить надъ собой Христа, поднявъ возстаніе (Іоан. 6), смѣнившееся вскорѣ попыткой убить Его (4, 1), побить Его камнями (8, 53). Христіане и сами жалѣли объ угасавшемъ у нихъ энтузіазмѣ и Ап. Павелъ счелъ нужнымъ пояснять имъ: „нынѣ ближе къ намъ спасеніе, нежели когда мы увѣровали" (Рим. 13, 11). Творенія Іоанна имѣютъ постоянною цѣлью поддержать унывающихъ христіанъ въ этомъ убѣжденіи и пояснять имъ, что борьба съ міромъ и страданія отъ него останется удѣломъ Христовыхъ послѣдователей. А радости духовныя должны нами ожидаться въ жизни будущей, по воскресеніи мертвыхъ.

Думается, что нѣтъ нужды проводить эту мысль Апост. Іоанна по Евангелію, ибо мы уже коснулись его содержанія, а читатели припомнятъ по нему только что высказанную мысль подробнѣе. Но мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи припомнить 2 - 3 подходящихъ, но при томъ и кардинальныхъ, выраженій изъ I посланія Апостола. Здѣсь вы читаете увѣщанія „не любить міръ, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей. Ибо все, что въ мірѣ: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская. не есть отъ Отца, но отъ міра сего", (I Іоаннъ 2, 15—16). Или дальше: „не дивитесь братія мои, если міръ ненавидитъ Васъ" (какъ Каинъ ненавидѣлъ Авеля) (ст. 13). „Дѣти, вы отъ Бога и побѣдили ихъ: ибо Тотъ, Кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ; Они отъ

міра и потому говорятъ по мірски и міръ слушаетъ ихъ. Мы отъ Бога; Знающій Бога слушаетъ насъ; кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ насъ. Посему мы узнаемъ духа истины и духа заблужденія" (гл. 4, ст. 4–6). „Всякій рожденный отъ Бога — побѣждаетъ міръ" (гл. 5, ст. 5 и слѣд.). Наконецъ, заключительная мысль: „мы знаемъ, что мы отъ Бога и что весь міръ лежитъ во злѣ" (ст. 19).

Итакъ, Св. Іоаннъ убѣждаетъ христіанъ въ той истинѣ, что вражда міра противъ Христова ученія и обиды, наносимыя Его послѣдователямъ, не должны принимать какъ явленіе временное и случайное, но такое, которое будетъ продолжаться до конца міра, постепенно усиливаясь въ своей злобѣ, не взирая на страшное вразумленіе отъ Бога. Раскрытію картинъ этой борьбы міра противъ Бога посвящены главы Апокалипсиса, на который, согласно изъясненію Блаженнаго Августина, не должно взирать, какъ на предсказаніе опредѣленно историческихъ событій, но какъ на эпизоды помянутой борьбы, долженствующей многократно повторяться въ продолженіи грядущихъ вѣковъ, пока не откроются суды Божіи (Св. Бл. Августинъ: „7 правилъ толкованія", почерпнутыхъ имъ у Тихонія Донатиста).

Въ этомъ отношеніи весьма важно остановить свое вниманіе на указываемое Евангелистомъ неисправимое упорство злыхъ при самыхъ страшныхъ карахъ Божіихъ, которыя здѣсь названы 3 язвами; отъ нихъ умерла „третья часть людей". Прочіе же люди, которые не умерли отъ этихъ язвъ „не раскаялись въ убійствахъ своихъ, ни въ блудодѣяніи своемъ, ни въ воровствѣ своемъ" (гл. 9, ст. 21).

Враждебный Богу звѣрь будетъ побѣжденъ и раненъ, но еще не убитъ: напротивъ, рана его исцѣлѣетъ и земля вся удивится сему и поклонится дракону, давшему власть звѣрю и самому звѣрю, говоря: „кто подобенъ звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ". Затѣмъ звѣрю дано „вести войну со святыми и побѣдить ихъ; и дана была ему власть надъ всякимъ колѣномъ, и народомъ, и языкамъ, и племенемъ. И поклонятся ему всѣ живущіе на землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни у Агнца, закланнаго отъ созданія міра". Не по сердцу было такое предсказаніе современнымъ Іоанну христіанамъ, ожидавшимъ, что до его смерти навсегда прекратятся гоненія и вотъ почему онъ по обычаю своего Божественнаго Учителя прибавляетъ: „кто имѣетъ ухо, да слышитъ. Здѣсь терпѣніе и вѣра святыхъ" (13, 9 10) Скажемъ кстати, что и до настоящаго времени многіе, выдающіе себя за православныхъ, вѣрующихъ людей, начиная съ Владиміра С. Соловьева, не могутъ отстать отъ суевѣрія нравственнаго прогресса и нравственной эволюціи человѣчества, хотя эти ложныя

мысли многократно были опровергнуты въ изрѣченіяхъ Христовыхъ, Ап. Павла, Ап. Петра и Ап. Іуды, а равно и свѣтскими мыслителями, какъ Рачинскій, В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ, мало того, даже умнѣйшіе изъ невѣрующихъ философовъ отвергали существованіе нравственнаго прогресса человѣчества: таковы Кантъ, Руссо и др.

Итакъ, Апокалипсисъ ясно говоритъ о повторяющихся въ міровой исторіи побѣдахъ зла и злыхъ надъ добрыми, чему конецъ будетъ положенъ только Словомъ, когда Онъ сойдетъ снова на землю и будетъ праведно судить (19, 11). Только тогда будетъ схваченъ звѣрь и съ нимъ лжепророкъ и оба живые будутъ брошены въ озеро огненное, горящее сѣрой (19, 20). А до того часа „терпѣніе и вѣра святыхъ". Терпѣніе и есть тотъ назидательный выводъ, который должны почерпнуть отъ Іоанновой, т. е. Христовой мудрости христіане. Слово это Апостолъ повторяетъ снова въ гл. 14-й, сказавъ о вѣчномъ наказаніи звѣрю и проч.

Скажемъ кратко: творенія Іоанновы суть увѣщаніе къ мученичеству. Ублаженію сего подвига посвящена возвышенная 7-ая глава Апокалипсиса; тому же въ значительной степени посвящена Прощальная бесѣда Спасителя. Съ особенною ясностью эта цѣль твореній Іоанновыхъ, т. е. увѣщаніе къ мученичеству, сказывается въ заключительныхъ главахъ предъ описаніемъ рая: „Побѣждающій наслѣдуетъ все и буду ему Богомъ и онъ будетъ Мнѣ сыномъ. Боязливыхъ же невѣрныхъ, и скверныхъ, и убійцъ, и любодѣевъ, и чародѣевъ, и идолослужителей, и всѣхъ лжецовъ — участь въ озерѣ горящемъ огнемъ и сѣрою; это смерть вторая (21, 7—8).

Читатель пожалуй скажетъ: а гдѣ же останется теперь представленіе объ Апостолѣ Іоаннѣ, какъ объ Апостолѣ любви, какъ о Богословѣ преимущественно предъ прочими Апостолами? Неужели ученіе о мірѣ, лежащемъ во злѣ, о вѣчной враждѣ его противъ Бога и Христа — болѣе цѣнная, болѣе возвышенная идея, чѣмъ ученіе о любви и о Божествѣ Іисуса Христа? Мы совершенно далеки отъ такой мысли. Напротивъ, св. Іоаннъ предлагаетъ единственно по силѣ и выдержанности ученіе о любви, какъ силѣ, объединяющей насъ съ Отцомъ и Сыномъ, какъ бы въ одно Существо (Іоан. 17), а самое наименованіе его Богословомъ, данное Церковью, достаточно ясно говоритъ о томъ великомъ значеніи, которое она усматриваетъ въ этомъ важнѣйшемъ догматѣ нашей вѣры; но мы начали съ раскрытія отличительныхъ свойствъ твореній Іоанновыхъ и притомъ объединяющей всѣ 5 его твореній и связывающей событія Христовой жизни, имъ описанныя. Мы разсмотрѣли современное Апостолу значеніе идеи вѣчной борьбы міра противъ Христа, но даже и эта идея, все же не главная

въ полнотѣ христіанскихъ истинъ, не могла имѣть въ глубокой душѣ евангелиста значеніе только современное, привязанное къ уклоненію части христіанъ правильнаго разумѣнія судебъ Церкви и всего міра; оно напротивъ того имѣетъ существенную связь съ ученіемъ о торжествующей у Бога и подвизающейся у христіанъ идеѣ любви, съ ученіемъ о Словѣ, всеобъемлющемъ и всевозрождающемъ согласно первой главѣ его евангелія и къ предвкушенію того райскаго блаженства объединенія въ Богѣ по подобію единства лицъ Пресвятой Троицы, о чемъ говорилъ Христосъ Спаситель въ послѣдней бесѣдѣ и послѣдней молитвѣ. Но этотъ Божественный призывъ, нѣжный какъ ласка матери и потрясающій сердце, какъ огненный вихрь, сейчасъ же соединяется у Спасителя и у Его Апостола съ предупрежденіемъ о гоненіяхъ и ненависти міра, но въ то же время и съ обѣтованіемъ Особаго Утѣшителя въ скорбяхъ (14, 16—18). „Сіе заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга. Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ" (15, 17—18). То же и въ посланіи: „Таково благовѣствованіе, которое вы слышали отъ начала, чтобы мы любили другъ друга. Не такъ, какъ Каинъ, который убилъ брата своего. А за что убилъ его? За то, что дѣла его были злы, а дѣла брата его праведны. Не дивитесь, братія мои, если міръ ненавидитъ васъ" (1, 3, 12, 13). Послѣднее напоминаніе имѣетъ значеніе не только современное, но существенное для пріемниковъ заповѣди любви. Увѣровавшій христіанинъ съ умиленнымъ и восторженнымъ сердцемъ, обращаетъ свой взоръ къ братьямъ: какъ онъ могъ бы примириться съ жизнью, когда, вмѣсто желаемой взаимности онъ встрѣчаетъ клевету и ненависть? Какъ онъ могъ бы сохранить взглядъ на міръ, какъ Божій домъ, Божью семью, когда міръ лежитъ во злѣ (1, 5, 19),— если бы онъ не имѣлъ о томъ такого авторитетнаго предупрежденія и разъясненія. Итакъ Апостолъ Іоаннъ восполняя наши души Христовымъ ученіемъ о всепроникающей любви Божіей, предохраняетъ ихъ отъ разочарованія и ожесточенія.

Такова главная и центральная идея Іоанна, къ ней мы, Богъ дастъ, еще возвратимся, но нельзя пройти невниманіемъ и другія, весьма существенныя, стороны его твореній. Въ нашихъ напрестольныхъ евангеліяхъ, въ святоотеческихъ предисловіяхъ къ каждому евангелисту, говорится о томъ, что Іоаннъ дополнилъ первыя три евангелія, которыя были принесены вѣрующими на его одобреніе; нѣкоторыя событія онъ приложилъ къ тому, что написали три евангелиста, а нѣкоторыя разъяснилъ. Предисловія эти написаны блаженнымъ Іеронимомъ, Софроніемъ и Дорофеемъ Тирскимъ. Говорится даже, будто Ап. Іоаннъ перевелъ первое евангеліе, т. е. Матѳеево, на греческій языкъ. Все это понуждаетъ насъ сообщить нѣсколько мыслей

объ отношенiи IV-го евангелiя къ первымъ тремъ. Тема, разобранная въ десяткахъ книгъ, если не въ сотняхъ (на разныхъ языкахъ), но многое и весьма существенное осталось незамѣченнымъ. Прежде всего можно съ математическою ясностью доказать, что Ап. Iоаннъ предполагаетъ содержанiе первыхъ трехъ евангелiй извѣстныхъ читателю и напоминаетъ о томъ, когда предполагаетъ болѣе точныя описанiя событiй. Ап. Iоаннъ не сообщаетъ о казни Iоанна Крестителя, но предполагаетъ это событiе извѣстнымъ читателю. Вотъ что мы читаемъ у него въ 3-й главѣ: „Iоаннъ также крестилъ въ Енонѣ близъ Салима, потому что тамъ было много воды; и приходили туда и крестились ибо Iоаннъ еще не былъ заключенъ въ темницу“ (ст. 23 и 24). Эго примѣчанiе евангелиста впрочемъ отмѣчено и у толкователей; но они мало обратили вниманiя на другiя Христовы слова въ слѣд. главѣ, гдѣ идетъ изложенiе Его бесѣды съ самаритянкой. Господь говорилъ ученикамъ: „одинъ сѣетъ, а другой жнетъ. Я послалъ васъ жать то, надъ чѣмъ вы не трудились, а вы вошли въ трудъ ихъ“ (4, 37—38). О бывшемъ посольствѣ Христовыхъ учениковъ на проповѣдь читатель могъ знать только изъ другихъ евангелiй. — Возьмемъ еще два-три изреченiя Апостола, свидѣтельствовавшiя о томъ же отношенiи его къ читателю, какъ знающему первыя три евангелiя. „Былъ нѣкто Лазарь изъ Вифанiи, изъ селенiя, гдѣ жили Марфа и Марiя, сестры его (11, 1). Предполагается, что читатель знаетъ о Марфѣ и Марiи, но ничего не знаетъ о Лазарѣ. И дѣйствительно о сестрахъ его упоминаетъ Лука, а о Лазарѣ три евангелиста не упоминаютъ ни однимъ словомъ. Далѣе Iоаннъ повѣствуетъ о воскрешенiи Христомъ Лазаря и о послѣдовавшемъ вскорѣ торжественномъ входѣ Его въ Iерасулимъ. О послѣднемъ писали и первые три евангелиста, но торжественность входа кажется читателю непонятной, ибо настроенiе народа было такое, что послѣдователямъ Христовымъ ничего добраго не предусматривалось отъ вступленiя Господня въ столицу и они ужасались, слѣдуя за нимъ“ (Марк. 10, 32) и убѣждали Его не итти когда Господь звалъ ихъ на воскресенiе Лазаря; а когда Онъ оставался непреклоннымъ, то Фома рѣшилъ за всѣхъ: „пойдемъ и мы умремъ съ Нимъ“ (11, 16). Почему событiе воскресенiя Лазаря было замолчено тремя первыми евангелистами объ этомъ скажемъ позже, а теперь укажемъ на то, что съ принятiемъ во вниманiе этого чуда становится само собою понятной и торжественная встрѣча Христа народомъ въ Iерусалимѣ. Однако Ап. Iоаннъ находитъ нужнымъ напомнить читателю о такой именно причинной связи событiй, говоря: „потому и встрѣтилъ Его народъ, ибо слышалъ, что Онъ сотворилъ это чудо“ (12, 17—18). Причина встрѣчи понятна читателю IV-го евангелiя и безъ этого поясненiя, но оно потребно

для читателя, читавшаго первыя 3 евангелія и недоумѣвавшаго о таковой встрѣчѣ, когда ученики Христовы слѣдуя за Нимъ въ Іерусалимъ ждали самыхъ враждебныхъ проявленій со стороны іудеевъ. Настроеніе ихъ измѣнилось въ Іерусалимѣ по воскресеніи Христомъ Лаз ря. Нѣкій только намекъ на это поясненіе находимъ у Луки: „Когда Онъ приблизился къ спуску съ горы Елеонской, все множество учениковъ начало въ радости велегласно славить Бога за всѣ чудеса, какія видѣли они, говоря: благословенъ Царь, грядущій во имя Господне, миръ на небесахъ и слава въ вышнихъ" (18, 37, 38).

Если поставить вопросъ, какіе вообщее сознательно замолченные синоптиками эпизоды Христовой земной жизни вспоминаетъ Іоаннъ, то отвѣтъ на это даетъ намъ чудо хожденія по водамъ, о чемъ мы сообщали въ прежнихъ печатныхъ статьяхъ. По синоптикамъ это чудо можетъ представиться безцѣльнымъ, и только Іоаннъ поясняетъ его словами: „Іисусъ же узнавъ, что хотятъ придти нечаяно взять Его и сдѣлать царемъ опять удалился на гору одинъ" (6, 15). Народъ бы Его не отпустилъ и потому Онъ тотчасъ понудилъ учениковъ Своихъ войти въ лодку и отправиться на другую сторону" (Марк. 45), а самъ ночью когда всѣ спали пошелъ къ лодкѣ по водамъ.

Два рода дополненій и разъясненій встрѣчаемъ мы въ IV-мъ евангеліи сравнительно съ первыми тремя. Одна заключается въ углубленіи смысла рѣчей и событій, а другія въ договореніи того что первые три евангелиста должны были замалчивать, пока существовало іудейское теократическое правленіе, хотя и подчиненное римской имперіи, но управлявшее народомъ по законамъ Моисея и своимъ обычаямъ. Четвертое евангеніе написано уже по упраздненіи еврейскаго царства и потому могло безпрепятственно писать о томъ, чего нельзя было обнародовать раньше. Объ этомъ уже приходилось намъ писать и печатать, а потому ограничимся на сей разъ краткими указаніями. Центральнымъ событіемъ, опредѣлившимъ начало враждебнаго отношенія іудеевъ ко Христу былъ Его отказъ отъ принятія царской власти, которую хотѣли ему навязать іудеи послѣ насыщенія пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами. Спаситель заранѣе отправилъ Своихъ учениковъ на другую сторону озера однихъ (ибо народъ Его бы не отпустилъ), а самъ ночью ушелъ, точнѣе говоря скрылся отъ народа, идя по водамъ, какъ по суху. Первые три евангелиста оставляютъ это чудо безъ объясненія его причины, ибо объясненіе было равносильно въ справедливомъ обвиненіи народа въ томъ, что онъ затѣивалъ бунтъ; но объясненіе даетъ Апостолъ Іоаннъ. „Іисусъ же узнавъ, что хотятъ притти, нечаянно взять Его и сдѣлать царемъ, опять удалился на гору одинъ" (6, 16) и пр.

Послѣ первоначальнаго восторга народъ крѣпко обидѣлся на такое уклоненіе Спасителя отъ исполненія его надеждъ и уже на другое утро вступилъ въ пререканіе со Христомъ, найдя Его въ Капернаумской синагогѣ. Пререканія эти продолжались въ еще болѣе рѣзкомъ настроеніи въ Іерусалимѣ на праздникѣ Кущей. Разочарованіе народа обратилось уже въ ярость, когда Господь обѣтовалъ увѣровавшимъ свободу нравственную и разъяснилъ ему ничтожество свободы политической (8, 31). Бесѣда окончилась тѣмъ, что „іудеи взяли каменья, чтобы бросить на Него" (8, 5). Далѣе священные писатели не называютъ по имени Петра, усѣкнувшаго ухо Малха, ни самого пострадавшаго, ибо иначе они подвели бы Петра уголовной отвѣтственности; и только Іоаннъ, писавшій свои творенія уже послѣ паденія ірдейскаго правительства, пишетъ: „Симонъ Петръ, имѣя мечъ извлекъ его" и пр. (18, 10).

Не будемъ подробно останавливаться на другихъ изрѣченіяхъ IV-го Евангелія, указывающихъ на то, что читатели его признаются знакомыми съ первыми тремя; мы только перечислимъ ихъ кратко: „и вечери уже бывшей" (13, 2 — какой вечери? Объ этомъ узнаемъ только изъ первыхъ евангелій). Далѣе умолчено объ евхаристіи, потому что событіе это извѣстно изъ другихъ евангелій, самое ученіе о таинствѣ изложено раньше (6, 50—59); а объ умовеніи ногъ только у Луки есть малый намекъ (22, 27). Еще „и сударь, иже бо на главѣ Его не съ ризами лежащь, но особо свитъ на единѣмъ мѣстѣ" (20, 7). Послѣдняя оговорка уточняетъ то, что читаемъ у Луки (24, 12) о томъ же событіи. Особенно замѣчательно то, что, предполагая у читателя хорошую память въ отношеніи первыхъ евангелій, св. Іоаннъ любитъ помогать ей въ отношеніи собственныхъ повѣствованій. Упоминая о Канѣ Галлилейской, онъ замѣчаетъ, „гдѣ Онъ претворилъ воду въ вино" (4, 46 и 2, 1); Филиппъ, „который былъ изъ Вифсаиды Галлилейской (12, 22 и 1, 44); Никодимъ, иже пришедый къ Нему нощі"ю (7, 50; 19, 39 и 3, 2).

Совершенно ясно, что Апостолъ Іоаннъ почиталъ событія Христовой жизни, имъ дополнительно изложенныя, новостью для читателей, а къ прежнимъ евангеліямъ дополнялъ то, о чемъ трое евангелистовъ умолчали по обстоятельствамъ времени, т. е. ввиду опасности правительственной кары виновникамъ событій, именно неподготовленность первыхъ христіанъ усвоить нѣчто необычное по человѣческимъ понятіямъ, напр. объ умовеніи воплотившимся Сыномъ Божіимъ ногъ ученикамъ своимъ. Въ послѣднемъ случаѣ Апостолъ, вопреки епическому характеру повѣствованій, находитъ нужнымъ дать объясненіе событію: „вѣдый Іисусъ яко вся предаде Ему Отецъ въ руцѣ

и яко отъ Бога изыде и къ Богу грядетъ, возста съ вечери, положи ризы Своя“ и пр. (13. 3).

Мы коснулись пока болѣе внѣшнихъ особенностей евангелія отъ Іоанна: ихъ много сравнительно съ прочими евангелистами, но у него гораздо болѣе и болѣе значительныхъ внутреннихъ особеностей, принадлежащихъ сравнительно прочимъ содержаніемъ книгъ Новаго Завѣта. Разумѣемъ тѣ религіозныя и богословскія идеи, которыя впервые открываются читателю именно у Іоанна, въ его евангеліи, посланіяхъ и Апокалипсисѣ.

Недальновидные и мало знакомые съ Ветхимъ Завѣтомъ изслѣдователи обмозолили глаза читателямъ своими баснями о знакомствѣ Іоанна съ гностиками, а также съ Платономъ и Филономъ, о томъ, будто онъ былъ образованнымъ іудейскимъ аристократомъ. Послѣдней нелѣпой мысли покойный профессоръ Московской Духовной Академіи М. Д. Муретовъ посвятилъ цѣлую брошюру, списавъ ее у Годе. Ненаучность всѣхъ этихъ гипотезъ или теорій, за которыя, съ легкой руки нашихъ богослововъ-плагіаторовъ, взялись и свѣтскіе ученые (напр. † кн. С. Трубецкой) доказывается математически слѣдующими словами книги Дѣяній о членахъ Синедріона: „видя смѣлость Петра и Іоанна и примѣтивъ, что они люди некнижные и простые, они удивлялись„ (Дѣян. 4, 13).

Итакъ возвышенный духъ твореній Іоанновыхъ обуславливается вовсе не его начитанностью, которой не было, но его энтузіазмомъ, его вниманіемъ къ рѣчамъ Христа, а всего болѣе — непосредственнымъ просвѣщеніемъ Святаго Духа и явленіемъ учащаго Ангела. О первомъ условіи говорится въ евангеліи и оно подтверждается даннымъ ему и его брату названіемъ: „сынъ грома“ (Марк. 3, 17); вѣра братьевъ была настолько восторженна, что когда самаряне не приняли проходившаго по ихъ селенію Учителя, то „Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи, хочешь-ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ небесъ и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ“ (Лук. 9, 52). Когда Господь шелъ въ Іерусалимъ, а ученики „ужасались, слѣдуя за Нимъ“, то Іоаннъ и Іаковъ, не только не раздѣляли ихъ разочарованій, но вмѣстѣ со своею достойнѣйшею Матерію, выражая увѣренность въ Христовой побѣдѣ, немедленно послѣ Его страшныхъ предсказаній о грядущихъ мукахъ, смерти и воскресеніи, просили у Него первыхъ мѣстъ въ Его будущемъ царствѣ — Іоаннъ не покинулъ Своего Учителя у креста и удостоился усыновленія Матерью Божіей. Вотъ школа сего Апостола, а не Филонъ и Платонъ. Но высшее наученіе было ему обѣщано отъ Утѣшителя, Который пояснилъ ему и другимъ Апостоламъ всѣ тѣ слова Христовы, коихъ они еще не могли понять во время Его земной жизни (14, 16-17 и 26 и др.).

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

О БРАКѢ, КАКЪ ТАИНСТВѢ.

Православная догматика — это та почва, на которой православный канонистъ долженъ строить систему церковнаго права, принимая догматическое ученіе, какъ аксіому, и не вдаваясь ни въ его обоснованіе, ни въ критику. Это общепризнанное методологическое требованіе не всегда, однако, осуществимо. Въ частности, не осуществимо оно въ одной изъ важнѣйшихъ областей церковнаго права – правѣ брачномъ. Когда православный канонистъ пожелаетъ опереться въ выясненіи каноническаго ученія о бракѣ на догматическія предпосылки, онъ замѣчаетъ, что такихъ твердо установленныхъ и общепризнанныхъ предпосылокъ не оказывается и что прежде, чѣмъ создать каноническое зданіе, ему во имя научной добросовѣстности, необходимо укрѣпить догматическую почву. Конечно, если ограничиться болѣе или менѣе новыми догматическими трудами (XVIII—XX вв.), то здѣсь мы найдемъ почти полную согласованность. Но канонистъ не въ правѣ это дѣлать. Онъ знаетъ, что правовой въ частности каноническій принципъ, lex posterior derogat priori не приложимъ къ догмату, что здѣсь имѣетъ мѣсто другой критерій, quod semper, quod ubique, quod ab omnibus и что въ догматическихъ вопросахъ древность ученія является при извѣстныхъ обстоятельствахъ презумпціей въ пользу его истинности. И вотъ, обращаясь къ каноническому кодексу древней Церкви, къ твореніямъ ея отцовъ и учителей, къ авторитетнымъ памятникамъ церковнаго учительства, канонистъ находитъ въ нихъ ученіе о бракѣ, не совпадающее съ ученіемъ, повторяемымъ въ современныхъ катехизисахъ и догматическихъ богословіяхъ)[1].

---

¹) На различіе древняго и новаго ученія о бракѣ впервые имѣлъ мужество указать А. С. Павловъ въ своемъ трудѣ „50 глава Кормчей“, причемъ первое онъ называетъ каноническимъ, хотя признаетъ, что до 18-го вѣка оно было и догматическимъ, второе—догматическимъ (правильнѣе было бы назвать школьнымъ, схоластическимъ). Но Павловъ остановился на половинѣ и постарался прикрыть различіе того и другого ученія

Насколько различны эти два ученія, можно наглядно показать сопоставленіемъ слѣдующихъ тезисовъ:

Древнее обще-церковное ученіе.	Новое школьное ученіе.
1. Таинство брака установлено Богомъ въ раю и подтверждено Христомъ.	1. Таинство брака установлено Христомъ.
2. Таинство брака едино во всемъ человѣчествѣ.	2. Нужно различать бракъ, какъ таинство (сакраментальный), существующее лишь въ христіанской Церкви и бракъ, какъ гражданскій институтъ (не сакраментальный), существующій и внѣ Церкви.
3. Совершителями брака являются сами брачущіеся своимъ согласіемъ на бракъ, а священникъ лишь совершаетъ актъ признанія брака отъ лица Церкви.	3. Совершителемъ брака является священникъ, вѣнчающій бракъ, а брачущіеся — это лишь матерія таинства.

Различіе того и другого ученія несомнѣнно. Однако различіе это не такого характера, чтобы давало основаніе говорить о противорѣчіи между ними и объ измѣненіи церковнаго ученія. Христіанство есть прежде всего фактъ, фактъ дарованія новой жизни человѣчеству, а потомъ уже ученіе объ этомъ фактѣ. Характеръ этой богодарованной жизни неизмѣненъ, но тѣ словесныя формы, въ которыхъ онъ выражается, обычно не объемлютъ всего богатства ея содержанія и вырабатываются лишь постепенно съ большимъ усиліемъ христіанской мысли. И этотъ процессъ формулированія христіанскаго ученія не всегда идетъ впередъ, а иногда отступаетъ и назадъ. Въ частности и въ вопросѣ о бракѣ ученіе развитое въ эпоху наибольшаго расцвѣта христіанской мысли — въ эпоху вселенскихъ соборовъ, представляется болѣе всеобъемлющимъ и широкимъ, чѣмъ новое школьное ученіе, ограничивающееся истолкованіемъ той формы брака, которая существуетъ въ Церкви въ настоящее время и забывающее о бракѣ въ раю, о бракѣ ветхозавѣтномъ и языческомъ — даже о формахъ брака, существовавшихъ въ древнее время въ самой Церкви.

Какое изъ этихъ двухъ воззрѣній слѣдуетъ признать истинно православнымъ — вопросомъ этотъ слишкомъ трудный и важный, чтобы можно было дать его категорическое рѣшеніе. Даже такіе крупнѣйшіе церковные мыслители, какъ святой Григорій Нисскій на востокѣ, блаженный Августинъ на западѣ-

когда разсуждают о бракѣ, часто оговариваются, что на излагаемое ими ученіе слѣдуетъ смотрѣть лишь, какъ на ихъ личное мнѣніе, какъ на „догадки“ и „гаданія“. Только сознаніе вселенской церкви, выраженное въ соборномъ опредѣленіи, можетъ дать обязательное для совѣсти вѣрующихъ рѣшеніе и потому, пока таковаго рѣшенія нѣтъ, на защищаемую нами точку зрѣнія нужно смотрѣть лишь, какъ на theologumenon, лишь какъ на матеріалъ для работы будущаго собора. А эта точка зрѣнія сводится къ признанію того, что нужно стать на сторону древняго, а не новаго ученія, т. к. только оно дано намъ въ Св. Писаніи и въ авторитетныхъ памятникахъ церковнаго учительства, тогда какъ новое школьное ученіе есть слѣдствіе упадка силы богословской мысли и вліянія на православное богословіе богословія инославнаго. Сдѣлаемъ попытку доказать это въ отношеніи каждаго изъ выше приведенныхъ трехъ тезисовъ:

I. Что Св. Писаніе видитъ въ бракѣ таинство, установленное Богомъ въ раю[1]), это ясно для всякаго, кто будетъ читать его безъ предубѣжденія. На всемъ протяженіи Новаго Завѣта мы не найдемъ ни одной строчки объ учрежденіи Христомъ или Его апостолами таинства брака, ни одного слова о той или иной обязательной для христіанъ формѣ его совершенія. Когда заходитъ вопросъ о бракѣ, какъ Христосъ (Матѳ. XIX, 3-6; X, 1-12), такъ и Его апостолы (Еф. V, 31) отсылаютъ къ Ветхому Завѣту, къ библейскому повѣствованію объ учрежденіи первобытнаго брака, при существованіи котораго самый вопросъ представляется излишнимъ. „Развѣ вы не читали“? спрашиваетъ въ свою очередь Христосъ вопрошающихъ о бракѣ фарисеевъ.

Какъ на доказательство установленія таинства брака Христомъ, ссылаются иногда на евангельское повѣствованіе о чудѣ на бракѣ въ Канѣ Галлилейской. На самомъ дѣлѣ это повѣствованіе доказываетъ какъ разъ противоположное, доказываетъ, что Христосъ призналъ бракъ именно таковымъ и по формѣ и по существу, каковымъ онъ былъ до Него. „Христосъ пришелъ на бракъ и принесъ даръ, даромъ почтивъ дѣло“, пишетъ Златоустъ[2]).

---

[1]) Современная догматика почти не касается вопроса о таинствахъ въ раю, но древняя свято-отеческая литература говоритъ о нихъ. Помимо таинства брака въ раю было и таинство причащенія, вкушеніе отъ древа жизни. „Прочее служило имъ пищею, пишетъ блаж. Августинъ, а это (древо жизни) таинствомъ (о градѣ Божіемъ XIII, 20, русскій переводъ стр. 309“). Таинствомъ, соотвѣтствующимъ таинству крещенія, возсозданія человѣка, было и самое твореніе, какъ называетъ его Климентъ Александрійскій (Строматы, III, 14, Mg. 8, 1205).

[2]) Бесѣда 4 на пророка Исаію, VI, I; Mg. 56. 246.

„Онъ присутствуетъ здѣсь, справедливо говоритъ проф. Павловъ, какъ званный на брачное торжество, происходившее уже по совершенію брака, и Своимъ присутствіемъ свидѣтельствуетъ, что бракъ, заключенный по законамъ и обычаямъ еврейскаго народа, есть бракъ истинный, богоугодный“[1]). Дѣйствительно на бракѣ въ Канѣ никакого участія въ совершеніи брака Христосъ не принималъ и не указалъ какихъ бы то ни было нововведеній въ немъ, и лишь чудомъ претворенія воды въ вино символически указалъ, какое высокое религіозное одушевленіе[2]), должно быть присуще христіанскому браку. Въ отношеніи брака, прекрасно говоритъ Климентъ Александрійскій, „Сынъ только сохранилъ то, что установилъ Отецъ“ и выясняетъ, что бракъ, какъ таинство, существовалъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ какъ, если святъ ветхозавѣтный законъ, то святъ и ветхозавѣтный бракъ, и что апостолъ лишь отнесъ это таинство союза Христа и Церкви[3]). Говоритъ онъ и о благодати райскаго брака (tis tou gamon charitos)[4]).

Указываетъ въ доказательство христіанскаго установленія таинства брака на слова апостола Павла: „тайна сія велика есть, Азъ же глаголю во Христа и во Церковь“ (Еф. V, 32), Повидимому, дѣйствительно, апостолъ указываетъ, что основаніе брака, какъ таинства, лежитъ въ отношеніи его къ другому союзу, союзу Христа и Церкви, т. е. Церкви только христіанской и слѣд., пока не было христіанской Церкви, не могло быть и брака, какъ таинства. Но понятіе послѣ и потомъ, — понятіе времени, не рѣшаетъ вопроса догматики. Христосъ, родившійся послѣ Адама хронологически, былъ прежде его метафизически (Іоанн. VIII, 58), чѣмъ и обусловливается возможность спасенія ветхозавѣтныхъ праведниковъ и распространенность „единой Церкви“, (а символъ вѣры знаетъ только таковую) и на ветхій завѣтъ[5]), и на райскую жизнь. По справедливой мысли древнѣйшихъ церковныхъ писателей (Климента Римскаго, Ермы, Тертулліана[6]) не Христосъ есть образъ Адама

---

[1]) „50 глава Кормчей“, стр. 58.

[2]) „Обуздать холодную страсть и превратить ее въ духовную — это значитъ превратить воду въ вино“, пишетъ Златоустъ (Бесѣда на Колос. XII, 6; Mg. 62, 380). „Одно изъ благъ, чтобы Христосъ присутствовалъ на бракѣ и превратилъ воду въ вино, т. е. все въ лучшее“ (Григорій Богословъ, письмо 232 Діоклею, Mg. 37, 373).

[3]) Строматы, IV, 12; Mg. 8, 1184—1185.

[4]) ib. III, 4; Mg. 8, 1096.

[5]) Пѣснопѣнія церковныя знаютъ и языческую церковь, хотя и называютъ ее „неплодящею“. И это не особая Церковь, а часть единой Церкви.

[6]) „Сотворилъ Богъ человѣка, пишетъ св. Климентъ, мужчиною и женщиною. Мужчина есть Христосъ, женщина — Церковь“ (2 послан. Коринѳ. ed. Fünk, Apostol. Fäter. Tübingen. 1916. 3. 75). „Образъ Божій

и Церковь — образъ Евы, а наоборотъ, — Адамъ созданъ по образу Христа, и Ева по образу Церкви, а потому и бракъ первыхъ людей въ раю также былъ образомъ союза Христа и Церкви, какъ и бракъ членовъ исторической христіанской Церкви и потому былъ таинствомъ. Такъ именно и учила древняя Церковь. Что она не причисляла бракъ къ таинствамъ, установленнымъ впервые Христомъ, видно изъ того, что во всѣхъ древнихъ перечняхъ христіанскихъ таинствъ, таинство брака не упоминается[1]). На то же указываетъ и самый чинъ вѣнчанія. Въ молитвахъ этого чина упоминаются лишь о Ветхозавѣтномъ учрежденіи таинства и перечисляются лишь ветхозавѣтные святые. На это обращаетъ вниманіе, напр. св. Симеонъ Солунскій. Говоря о бракѣ, онъ пишетъ: „Священникъ въ своихъ молитвахъ не упоминаетъ о комъ либо изъ новозавѣтныхъ (праведниковъ), состоявшихъ въ бракѣ, такъ какъ бракъ не есть для христіанъ предпочтительное дѣло. Конечная цѣль Евангелія есть дѣвственность и цѣломудріе“[2]).

Наконецъ въ авторитетныхъ памятникахъ православнаго учительства прямо говорится, что бракъ именно какъ таинство установленъ въ раю, а въ Новомъ Завѣтѣ лишь подтвержденъ. Такъ патріархъ Іеремія II въ своемъ отвѣтѣ протестантскимъ богословамъ, приведя изъ книги Бытія (II. 24) слова объ установленіи брака въ раю, продолжаетъ: „Такимъ образомъ это таинство передано свыше, а подтверждено въ Новомъ Завѣтѣ“[3]). Точно также въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ объ учрежденіи Россійскаго Св. Сунода читаемъ: „Таинство брака имѣетъ свое основаніе въ словахъ Самаго Бога, сказанныхъ о немъ въ Ветхомъ Завѣтѣ (Быт. 11, 24), каковыя слова подтвердилъ и Іисусъ Христосъ [illegible] Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ“ (М[illegible] XIX, 96). Апостолъ Павелъ называетъ бракъ великою тайною.

О томъ, что православная догматика признаетъ бракъ не только новозавѣтнымъ, но и ветхозавѣтнымъ таинствомъ, говорятъ и инославныя символики. „Въ православной Церкви, говоритъ Гассъ, бракъ является менѣе опредѣленно христіанскимъ установленіемъ, чѣмъ въ Римско-Католической. Христосъ не

есть образъ Христовъ который былъ дарованъ человѣку ранѣе пишетъ Тертулліанъ (противъ Праксея 12; Ml. 2, 168 ср. о воскресеніи плоти. 6 Ml 2. 802 — 803). Ерма выясняетъ что Церковь Божія сотворена для нея (Пастырь. видѣніе 2 ed Funk 5, 142).

[1]) См. напр. перечень у Псевдо-Ареопагита, св. Іоанна Дамаскина св. Өеодора Студита Св. Никифора Исповѣдника и др.

[2]) Mg. 155, 508. Въ древне-русскомъ чинѣ вѣнчанія не было чтенія Апостола и Евангелія. (Голубинскій. Исторія русской Церкви, 11, М, 1904, стр. 449).

[3]) „Outo men oun to mystirion touto anothen men para dedotai, evbevaiothi de kai en ti kani diathiki“.

ввелъ бракъ, а только включилъ его въ высшія религіозныя и моральныя отношенія"[1]).

Если ученіе о бракѣ, какъ райскомъ таинствѣ, имѣетъ для себя твердое основаніе и въ Св. Писаніи и въ авторитетныхъ памятникахъ церковнаго учительства, то ученіе о бракѣ, какъ таинствѣ лишь новозавѣтномъ, заимствовано православными догматистами изъ ученія римско-католическаго. Это ученіе, основываясь въ концѣ концовъ на своеобразныхъ взглядахъ на бракъ блаж. Августина, было санкціонировано для римско-католической Церкви на Тридентскомъ соборѣ, который на 24 своей сессіи постановилъ: „Бракъ есть по истинѣ и въ собственномъ смыслѣ одно изъ семи таинствъ евангельскаго закона, установленное Господомъ Христомъ"[2]).

Подчиняясь вліянію развитой на Западѣ богословской науки и не пытаясь выяснить догматическое ученіе о Церкви въ раю, православные богословы новаго времени пожертвовали глубокимъ истино-церковнымъ ученіемъ о бракѣ, какъ райскомъ таинствѣ, во имя схематичности ученія о семи новозавѣтныхъ таинствахъ.

II. Второй тезисъ, что бракъ, поскольку онъ есть истинный бракъ, всюду есть таинство и что есть одинъ бракъ, а не два — сакраментальный, и не сакраментальный, какъ учатъ католическіе богословы и догматисты, вытекаетъ изъ перваго. Въ отношеніи райскаго брака это есть истина самоочевидная. Разъ таинство брака установлено въ раю и христіанскій бракъ есть таинство — ясно, что институтъ райскаго брака совпадаетъ съ институтомъ брака христіанскаго, такъ какъ двѣ величины, равныя третьей, равны и между собою. Но сохранилось ли таинство внѣ христіанства, въ еврействѣ, въ язычествѣ? Въ символическихъ книгахъ православной Церкви мы не найдемъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ и потому на нашъ утвердительный отвѣтъ нужно смотрѣть лишь какъ на thelogoumenon.

Если таинство брака существовало въ раю, то вслѣдствіе чего оно могло исчезнуть позднѣе? Вслѣдствіи первороднаго грѣха? Вслѣдствіи грѣховности всего человѣчества? Но перво-

---

[1]) Gass, Symbolik der griechischen Kirche. Berlin, 1872, s ,290.

[2]) De sacr. matrim.: matrimonium esse vero et proprium unum ex septem legis evangelicae sacramentis, a Christo Domino institutum". Впрочемъ въ болѣе древней западной письменности встрѣчается ученіе что бракъ какъ т а и н с т в о (sacramentum coniugii) есть и у язычниковъ Такъ учили напр. папа Иннокентій III (C. . De transact. IV, 9) и Гонорій III (C. II De transact. I, 36). Упоминая объ этомъ въ своей энцикликѣ Arcanum (10 февр 1880 г.) папа Левъ XIII пишетъ, что они имѣли право на то, и что „браку присуще по природѣ нѣчто святое и религіозное".

родный грѣхъ не касался взаимныхъ отношеній первой четы, онъ не былъ измѣной ихъ другъ другу. Наоборотъ, блаж. Августинъ доказываетъ, что Адамъ нарушилъ заповѣдь Божію только потому, что не хотѣлъ разлучиться съ согрѣшившей женой. „Супругъ послѣдовалъ супругѣ", пишетъ онъ, „не потому, что введенный въ обманъ повѣрилъ ей, какъ бы говрящей истину, а потому, что покорился ей ради супружеской связи. Ибо не напрасно апостолъ сказалъ: „не Адамъ прельщенъ, но жена, прельстившись, впала въ преступленіе". Это значитъ, что онъ не захотѣлъ отдѣлиться отъ единственнаго сообщества съ нею даже и въ грѣхѣ". (О градѣ Божіемъ, кн. 14, гл. 11, руск. пер. стр. 32, Ml. 422). Ту же мысль проводитъ на востокѣ Златоустъ. „Жена не обманываетъ мужа", пишетъ онъ, „а убѣждаетъ". Объ этомъ свидѣтельствуетъ Павелъ, говоря: „Адамъ же не прельстися" (Бес. о твореніи міра, Mg. 56,490 ср. 494). Онъ же проводитъ мысль, что Богъ не проклинаетъ чету прародителей и не лишаетъ ихъ благословенія рожденія, такъ какъ оно вѣчно (ibid. 496). Наконецъ тѣ же мысли находимъ и у Прокопія Газскаго (толков. на Быт., Mg. 87, 209).

Напротивъ нѣкоторые св. отцы защищаютъ мнѣніе, что благодать (haris) брака дана первымъ людямъ лишь послѣ первороднаго грѣха, когда бракъ явился необходимымъ для борьбы со смертью, какъ пишетъ напр. Амфилохій Иконійскій[1]). Мнѣнія, что бракъ установленъ именно послѣ и даже вслѣдствіе первороднаго грѣха мы встрѣчаемъ въ раннихъ произведеніяхъ Златоуста, у св. Григорія Нисскаго, у блаж. Ѳеодорита, Іоанна Дамаскина, Максима Исповѣдника, Максима Грека и др.

Прекрасно выражаетъ эту мысль одинъ богослужебный чинъ православной церкви: „Супружескій союзъ, читаемъ мы въ Требникѣ, ни прародительнымъ грѣхомъ, ниже потопомъ Ноевымъ разорися чинъ благословенія супругъ чадъ не имущихъ[1])". Ту же мысль находимъ мы и въ 49 главѣ Кормчей Книги (Еклогѣ): „Ни жены виною змія гордаго наченши вкушенія отъ мужа разлучи, ни того владычни заповѣди преступленія супругою поспѣвшее отлучи, но отъ тоя убо спряжены грѣхъ потопи, сочтанія же не разлучи"[2]). Что грѣхи человѣчества не исказили института брака, видно изъ того, что Богъ благословилъ бракъ и послѣ потопа. „Когда Богъ наказывалъ людей потопомъ, пишетъ блаженный Ѳеодоритъ Кирскій, онъ ввелъ въ ковчегъ не только мужчинъ, но и женщинъ въ одинаковомъ количествѣ и возобновилъ первое благословеніе. Ибо и имъ сказалъ: „Плодитеся и размножай-

---

[1]) Слово о женѣ грѣшницѣ. Mg. 39, 72.

[2]) Гл. 49,7 изд. 1816 г. II, 123.

тесь и наполняйте замлю“ (Быт. 9, 1)[1]. О святости ветхозавѣтнаго брака говорятъ и заповѣди Десятословія, сопоставляя ея нарушенія съ тягчайшими преступленіями противъ Бога и ближняго. Древній христіанскій писатель, извѣстный подъ именемъ Діонисія Ареопагита говоритъ, что язычники (эллины) смотрѣли на бракъ именно, какъ на таинство[2]. По ученію каббалистовъ единственный каналъ, черезъ который благодать Божія изливается на человѣчество — это бракъ[3]. О религіозномъ характерѣ брака у всѣхъ народовъ говорятъ многіе авторитеты[4]. „Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена религія принимала участіе въ заключеніи брака“, пишетъ Монтескье[5],

Но видѣли ли въ бракѣ евреевъ и язычниковъ таинство сами христіане? И на этотъ вопросъ нужно дать положительный отвѣтъ, такъ какъ за это говорятъ и прямыя свидѣтельства древней письменности и фактическое отношеніе христіанской церкви въ древности къ еврейскимъ и языческимъ бракамъ. Климентъ Александрійскій не видитъ различія между бракомъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ. „Такъ какъ законъ ветхозавѣтный святъ, то святъ и бракъ“ пишетъ онъ. И ветхозавѣтный бракъ былъ таинствомъ, какъ прообразъ Христа и Церкви о чемъ говоритъ Апостолъ[6]. „Бракъ является дѣломъ честнымъ и у насъ и у язычниковъ“, пишетъ Златоустъ[7], относя такимъ образомъ и къ языческому браку слова апостола: „бракъ честенъ во всѣхъ“ (en pasin, Евр. 13, 14). „Бракъ существуетъ и въ синагогѣ“, доказываетъ бл. Августинъ[8]. А Св. Зенонъ Воронскій доказываетъ, что язычники обладаютъ всѣми брачными добродѣтелями[9], такъ что онъ недоумѣваетъ, чему бы онъ могъ ихъ научить. „Поистинѣ, иронически добавляетъ онъ, мы побѣждаемъ только въ томъ, что христіанки въ силу своей святости большее число разъ выходятъ замужъ, да еще за язычниковъ, о чемъ нельзя упомянуть безъ великой скорби или вопля[10].

---

[1] Краткое изложеніе зловредныхъ еретическихъ ученій, кн. V, гл. 25; Mg. 83. 536; руск. пер. Москва, 1859, т. VI, стр. 88-92.

[2] Парафразъ Пахимера, Mg. 8, 1184.

[3] Westermarck, Geschichte der menschl. Ehe, 2 Aufl. S. 423; Rutzel, Volkerkunde, I. 256, II. 276 и др.

[4] Zohar I. изд. Gulze.

[5] Esprit des lois p. 299.

[6] Строматы, III, 12; Mg. 8, 1185.

[7] Бесѣда на 1 кор. 12; Mg. 61, 103.

[8] Ml. 35 2379.

[9] Лучшей иллюстраціей этого положенія могла бы служить напр. „Алцеста“ Еврипида, гдѣ проповѣдуется гораздо болѣе высокое ученіе о моногаміи чѣмъ напр. въ статьяхъ сербскихъ защитниковъ второбрачія и гдѣ чувство жертвенной любви супруговъ возвышается до предчувствія Спасителя въ образѣ Геркулеса.

[10] Трактатъ, IV, Ml. 11, 306.

Считая бракъ таинствомъ, древнiе христiане принимали его въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ у евреевъ и язычниковъ и слѣдовательно видѣли таинство и въ языческомъ и еврейскомъ бракѣ. Никогда бракъ перешедшихъ въ христiанство супруговъ не нуждался въ какомъ бы то ни было подтвержденiи со стороны Церкви, чтобы стать таинствомъ. Христiане первыхъ вѣковъ, чуждавшiеся еврейской обрядности и предпочитавшiя мученiя и смерть, повидимому, невинному участiю въ языческомъ культѣ, принимали бракъ въ еврейской и языческой формѣ безъ всякаго протеста и сами указывали на это язычникамъ. „Они, т. е. христiане, заключаютъ бракъ, какъ и всѣ“, говоритъ одинъ христiанскiй апологетъ II вѣка[1]). „Всякiй изъ насъ признаетъ своею супругою женщину, которую онъ взялъ по законамъ, вами (т. е. язычниками) изданными“, говоритъ другой апологетъ въ своей апологiи, поданной императору Марку Аврелiю (166 177)[2]). Климентъ Александрiйскiй христiанскимъ бракомъ считаетъ бракъ kata nomon[3]). Лаодикiйскiй соборъ отъ христiанскаго брака требуетъ только того, чтобы онъ былъ совершенъ „свободно и законно“ т. е. согласно съ римскими законами (прав. 1).

Св. Амвросiй Медiоланскiй говоритъ, что христiане берутъ женъ „по таблицамъ“ т. е. по римскому закону 12 таблицъ[4]). О совершенiи брака по римскимъ законамъ упоминаетъ и Златоустъ[5]).

За признанiемъ языческаго брака таинствомъ говоритъ и то обстоятельство, что въ древней христiанской письменности мы не находимъ какого либо особаго спецiальнаго христiанскаго опредѣленiя брака. Наоборотъ древнiе каноническiе и догматическiе памятники пользуются опредѣленiемъ брака, даннымъ для языческаго брака римскимъ юристомъ язычникомъ Модестиномъ[6]) и даже называютъ его „наилучшимъ“[7]), а въ одномъ авторитетномъ догматическомъ памятникѣ опредѣленiе Модестина примѣнено именно къ таинству брака[8]). О благословенно-

---

[1]) Посланiе къ Дiогнету. Творенiя св. Iустина Мученика, пер. Преображенскаго, М 1864, стр. 17.

[2]) Аѳинагоръ. Legatio pro Christianis. cap. 33.

[3]) Педаг. II. 23. Mg 8. 1085; III. II. Mg. 8. 1173.

[4]) De instit. virg. cap. 6. Ml. 16. 316.

[5]) Гомил. 56 на Быт. 29; Mg. 54. 488.

[6]) Модестиново опредѣленiе брака находимъ напр. въ Номоканонѣ Фотiя (XII. 12), у Вальсамона (толк на 80 пр. Вас. В.), въ Синтагмѣ Властаря (Г. 2) въ Кормчей книгѣ (48.3; 49. 4), въ Пидалiонѣ, въ катихизисѣ Николая Булгара, изд. въ 1681 г. въ Венецiи (стр. 9).

[7]) Номоканонъ Фотiя XII. 13) Аѳ Синтагма I. 271.

[8]) Трактатъ о таинствахъ митр. Филадельфiйскаго Гаврiила Севира. по изд. 1714 въ Трговищѣ (въ Синтагманiонѣ iерус. патрiарха Хрисанѳа) стр. 118.

сти брака и до Христа говоритъ св. Сvмеонъ Солунскій[1]): „Бракъ допущенъ для одного дѣторожденія, пишетъ онъ, чтобы не безъ благословенія было происхожденіе и начало людей и чтобы не безъ него они имѣли жизнь.

Если блаж. Августинъ училъ, что таинство брака существуетъ только въ христіанской Церкви, а у язычниковъ нѣтъ брака вообще, то это ученіе, отразившееся въ современномъ различеніи католическимъ богословіемъ сакраментальнаго и несакраментальнаго брака, вытекаетъ изъ отвергнутаго церковью ученія о совершенномъ извращеніи природы человѣческой первороднымъ грѣхомъ и долгое время не пользовалось признаніемъ даже на Западѣ. Къ выводу объ отсутствіи брака у язычниковъ Августинъ приходитъ посредствомъ такой цѣпи заключеній: „Апостолъ учитъ, что „все, что не по вѣрѣ — грѣхъ“ (Римл. 14, 26). Язычники вѣры не имѣютъ. Поэтому все, что они дѣлаютъ, есть грѣхъ. Между тѣмъ бракъ не грѣхъ. Слѣдовательно у язычниковъ нѣтъ брака“. Этотъ выводъ, получающійся путемъ quaternio terminorum), не раздѣлялся въ старое время даже западною церковью. Мы уже видѣли, что папа Иннокентій III и Гонорій III категорически заявляютъ, что таинство брака есть и у ясычниковъ. А въ самомъ Corpus iuris canonici подробно разбирается и опровергается это ученіе Августина. А именно Граціанъ доказываетъ здѣсь ссылками на св. Писаніе, что самъ Христосъ (Лук. 14, 26, Мат. 19, 29) и апостолъ Павелъ (1 Кор. 7, 12; Тит. 2, 4) признавали существованіе брака и у нехристіанъ, что слова апостола: „все, что не по вѣрѣ — грѣхъ“ имѣютъ тотъ же смыслъ, что и слова: „блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ (Рим. 14, 22), т. е. говорятъ о поступкахъ язычниковъ противныхъ ихъ совѣсти, что, если иногда и утверждаютъ, что у язычниковъ нѣтъ таинствъ, то это не значитъ, что у нихъ форма таинства брака неправильна, а значитъ только то, что ихъ таинства не могутъ дать вѣчнаго спасенія и что наконецъ слова св. Амвросія Медіоланскаго: „Нельзя считать бракомъ то, что противно заповѣди Божіей“ непримѣнимы къ браку нехристіанъ, ибо ни одна заповѣдь Божія не запрещаетъ браки нехристіанъ между собою[3]). Позднѣе католическіе богословы, съ цѣлью примиренія ученія блаж. Августина съ ученіемъ Corpus iuris canonici, создали теорію двухъ видовъ брака — сакраментальнаго и не-

[1]) О бракѣ. Mg. 155. 504.

[2]) Терминъ „вѣра“ въ первомъ случаѣ употребленъ въ смыслѣ религіозно-моральныхъ убѣжденій во второмъ въ смыслѣ христіанской вѣры. Справедливо, что язычники не имѣютъ христіанской вѣры но они имѣютъ извѣстныя религіозно-моральныя убѣжденія (Римл. I. 20). Установившій бракъ Богъ есть Богъ и язычниковъ (Римл. 3. 29).

[3]) C. 28. qu. I ed. Friedberg. Leipzig 1879 col. 1078—9. 1088.

сакраментальнаго. Къ этому ученію должны придти и тѣ православные богословы, которые отказались отъ стараго церковнаго ученія о существованіи таинства брака во всемъ человѣчествѣ.

Ученіе о сохраненіи таинства брака у евреевъ и язычниковъ даетъ исходную точку для правильной религіозной оцѣнки язычества. Если въ язычествѣ сократилось это таинство, то, значитъ, нельзя смотрѣть на языческій міръ какъ на что то безусловно отрицательное, какъ безраздѣльное царство „князя вѣка сего“. Таинство брака было тѣмъ единственнымъ каналомъ, черезъ который благодать Божія непрестанно изливалась на грѣховное человѣчество. А такъ какъ вся культура, по глубокой мысли св. Григорія Богослова, имѣетъ свой источникъ въ бракѣ[1]), то не осталась чужда божественному и она, и потому христіанство не отвергло эту культуру цѣликомъ, а подобно магниту, вытягивающему желѣзные опилки изъ сора, извлекло изъ нея не мало сродныхъ себѣ элементовъ и взяло ихъ, какъ матеріалъ на созданіе земной Церкви.

ПРОФ. С. ТРОИЦКІЙ.

---

[1]) Poemata moralia: „Смотри, что даетъ людямъ союзъ любви, мудрый бракъ. Кто научилъ мудрости? Кто изслѣдовалъ таинственное? Кто далъ городамъ законы и кто ранѣе законовъ основалъ города и изобрѣлъ черезъ размышленіе искуства? Кто наполнилъ площади и дороги, кто — мѣста для состязаній? Войско въ битвѣ? Столы на пирахъ? Хоръ пѣвцовъ въ душистомъ дымѣ храма? Кто укротилъ животныхъ? Кто научилъ пахать и сѣять растенія? Кто послалъ черный корабль на море, борящійся съ вѣтромъ? Кто, какъ ни бракъ, соединилъ море и сушу влажной дорогой и объединилъ то, что находилось далеко другъ отъ друга?“ (Mg. 37. 541—542).

РАБОЧІЙ СОЦІАЛИЗМЪ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я „отвѣтъ рабочихъ вождей“ о „соціализмѣ и христіанствѣ“ въ „British Weekly“ (январь 17, 1924). Къ моему изумленію оказалось, что соціалисты, какъ таковые, больше христіане, ибо они устрояютъ Царство Божіе на землѣ (rev. Herbert-Dunnico, M. P.), между тѣмъ, сами христіане ожидаютъ его лишь въ будущемъ вѣкѣ... При такой христіанской возвышенности, тѣмъ поразительнѣе совершенно антихристіанскія заявленія „рабочихъ вождей“ Англіи о русской православной Церкви и именно въ тотъ моментъ, когда она лежитъ измученная и залитая кровью отъ родственныхъ имъ коммунистическихъ соціалистовъ, а они неистовствуютъ у себя и начинаютъ торжествовать въ Европѣ и Англіи, какъ бы обезпечивая себѣ „религіозную свободу дѣйствій“.

Rev. Herbert Dunnico возбужденно говоритъ: „Большевистское отношеніе къ Церкви (въ Россіи) если и нельзя защитить, то все таки оно понятно. Развѣ „Британскій Еженедѣльникъ“ станетъ защищать безстыдныя, развращенныя, гнусныя и тираническія дѣйствія Русской Православной Церкви“? Такимъ образомъ, Rev. Herbert Dunnico, повидимому, приглашаетъ все англійское христіанство къ организованному походу противъ русскаго православія, но его слишкомъ энергическія выраженія и оскорбительныя эпитеты не содержатъ никакихъ конкретныхъ указаній и напоминаютъ простыя ругательства, которыя важны для сужденія лишь о субъектѣ, а ничуть не объ объектѣ рѣчи... Много спокойнѣе и вразумительнѣе докладываетъ Rev. Iohn Lewis, что „въ Россіи церковь была погружена въ суевѣрія и всецѣло находилась во власти развращеннаго и запятнаннаго кровью государства, преступленій коего мы до 1914 года гнушались, но послѣ утвержденія большевиковъ начинаемъ ихъ забывать“. Эти холодныя слова сколько поясняютъ, столько же и опровергаютъ предшествующую диффамацію. Теперь дѣло становится нѣсколько понятнѣе.

1. Русская православная церковь столь усердно осыпается самыми отборными пасквилями — прежде всего, — очевидно за то, что она „была погружена въ суевѣрія“. Однако — въ чемъ же послѣднее заключается догматически и выражается практически? Вѣдь русская православная церковь во всѣхъ этихъ отношеніяхъ вполнѣ солидарна со всѣми другими православными церквами и существенно ничуть не отличается отъ нихъ. Какое же у нея особое преступное „суевѣріе“? А если этого нѣтъ, то... настоящая инсинуація характерна и должна быть отмѣчена только по связи съ стремленіями и усиліями англиканства къ сближенію съ православнымъ Востокомъ и требуетъ отвѣта не отъ насъ, а отъ англиканъ.

2. Второй грѣхъ русской православной церкви противъ рабочаго соціализма носитъ политическій характеръ, но если она „всецѣло находилась во власти... правительства“, то, конечно, безсильна совершать „тиранническія дѣйствія“ и наоборотъ. Рабски порабощенная — какъ она могла быть поработительницей?.. Притомъ и первое и второе совсѣмъ ложно.

Подчиненность русской церкви государству злонамѣренно или невѣжественно преувеличивается, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно меньше, чѣмъ въ свободной, классически конституціонной Англіи. Достаточно сослаться, напр., на процедуру замѣщенія православныхъ епископскихъ каѳедръ даже въ Синодальный періодъ. Для сего православный Св. Синодъ нашъ избиралъ для каждаго случая трехъ кандидатовъ и чрезъ православнаго Оберъ-Прокурора представлялъ на утвержденіе одного изъ нихъ православному Государю. И нормально — этотъ порядокъ не только не нарушался, но обычно (по крайней мѣрѣ въ 90%) слѣдовала Высочайшая резолюція: „быть первому“. Такъ ли происходитъ дѣло въ Англіи, имѣетъ ли тамъ равное участіе сама церковная власть и всегда ли рѣшающими посредниками насчетъ англиканскихъ епископовъ бываютъ епископы?..

Еще менѣе справедливо указаніе на „тиранническія дѣйствія“ русской православной церкви въ отношеніи, конечно, къ „рабочему народу“. Странно даже слышать подобный абсурдъ, ибо русская православная церковь есть наиболѣе народная и рабочая во всемъ мірѣ, хотя и не соціалистически-пролетарская. Вся ея іерархія и клиръ цѣликомъ заимствуются изъ „духовнаго сословія“, живущаго одною совокупною жизнью съ народомъ и раздѣляющаго его судьбу. А правительственное обезпеченіе всегда было столь скудно, что духовенство должно работать собственными руками и поистинѣ „въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ не просто тягостными даяніями отъ пасомыхъ, но непосредственнымъ физическимъ трудомъ — преимущественно земледѣльческимъ во всѣхъ его отрасляхъ. Болѣе

90% клира пропитывалось именно этимъ способомъ до самой революціи, и я могу назвать имена епископовъ, которые сами принимали прямое, собственноручное участіе въ полевыхъ работахъ своего монастыря — вовсе не для развлеченія. Въ большинствѣ нѣтъ казенныхъ или церковныхъ помѣщеній, которыя приходится заводить самимъ. Мой отецъ, бывшій священникомъ около 30 лѣтъ, оставилъ небольшой деревяный домикъ (— единственное наслѣдство для вдовы съ 7 дѣтьми! —), но всѣ бревна были срублены лично имъ, принесены на собственныхъ плечахъ, обдѣланы и сложены собственными руками, а онъ еще былъ на хорошемъ приходѣ и пользовался авторитетностью.

Для меня, достаточно компетентнаго въ этой области, нѣтъ болѣе жестокой клеветы, чѣмъ та, будто русская православная церковь и ея служители суть враги „трудящагося народа". Послѣдній этого никогда не скажетъ, а подобныя хульныя неправды идутъ изъ нерусскаго источника, откуда распространяется грязная зараза по всему міру... Происхожденіе столь лживаго злословія понятно, но я никакъ не могу постигнуть, что его повторяютъ и санкціонируютъ рабочіе представители культурной Англіи по отношенію къ русской православной церкви, когда она истерзана до кроваваго пота — точно Христосъ въ Геѳсиманіи, — свирѣпою тиранніею ихъ сторонниковъ и единомышленниковъ въ Россіи... Политически же чрезвычайно симптоматично, что представители рабочей партіи, берущей управленіе величайшей міровой державой, въ это самое время обнаруживаютъ такое безсердечіе и невѣжество касательно столь существеннаго международнаго фактора, какъ христіанство вообще и русское православіе въ частности... Развѣ подобными средствами созидается Царство Божіе на землѣ, о чемъ обманчиво или обманно мечтаютъ „рабочіе вожди"?

ПРОФЕССОРЪ НИКОЛАЙ ГЛУБОКОВСКІЙ.

* * *

Помню длинное служенье
Въ монастырскомъ дивномъ храмѣ,
Гдѣ такъ стройно, благолѣпно
    Пѣлъ монаховъ хоръ.
Это было наканунѣ
Дня Пречистыя Успенья.
И огней сіяло море
    Предъ Иконой Золотой.
И склоняся на колѣни
Передъ образомъ Пречистой
Я мечталъ, что буду вѣчнымъ
    Рыцаремъ Ея.
Какъ броней, одѣнусь рясой;
Шлемъ замѣнитъ клобукъ черный,
Крестъ щитомъ служить мнѣ будетъ
    Четки длинныя — мечемъ.
Годы шли своей чредой,
Сталъ я рыцаремъ на дѣлѣ,
Но съ мечемъ изъ жесткой стали,
    Только сердце безъ измѣны:
И вчера передъ иконой
Божьей Матери Успенья
Я твердилъ въ мольбѣ усердной:
    „Сдѣлай инокомъ меня!“

И. В—ВЪ.

1919.

ДЫМЪ КАДИЛЬНЫЙ.

Я не пророкъ. Въ душѣ моей
Нѣтъ мѣста грому обличенья.
„Глаголомъ жечь сердца людей"
Я не былъ призванъ отъ рожденья.
И не дано мнѣ яркихъ словъ
И пылкой страстности пророка,
Не могъ бы, гнѣвенъ и суровъ
Громить твердыни я порока.
Мой гласъ — не ропотъ вешнихъ водъ
И не дыханье шумной бури:
Въ душѣ моей всегда живетъ
Тоска по голубой лазури
Но къ небу самъ всегда стремясь
Хотѣлъ бы тихими слезами
Омыть я пагубную грязь
Земли, опутанной грѣхами.
И я хочу, чтобъ голосъ мой,
Журчаньемъ ручейка звучалъ
Къ водѣ котораго живой
Усталый грѣшникъ припадалъ.
И воду ту живую пилъ
Въ ней находя отъ бѣдъ забвенье,
И сердце для любви открылъ
Взывая къ Богу о прощеньи.
Я не пророкъ. Въ душѣ моей
Нѣтъ словъ суровыхъ обличенья.
Моя мечта — учить людей
Великой мудрости смиренья.
И не внушать собою страхъ
И не вселять въ нихъ трепетъ зыбкій
Но видѣть ясныя улыбки
На недоступныхъ злу устахъ.

И. В-ВЪ.

КРИНЫ МОЛИТВЕННЫЕ.

Велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя и ниедино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ

(Молитва на освящ. воды св. Богоявленій).

Этимъ лѣтомъ, бродя по сербскимъ монастырямъ, я зашелъ помолиться и къ святой Параскевѣ. Съ чувствомъ особаго благоговѣнія и нѣкотораго волненія подходилъ я съ котомкой за плечами, съ посошкомъ въ рукѣ, къ холмистому Церу по извилистой, пыльной дорогѣ.

Вотъ мелькнулъ красный куполъ, еще поворотъ дороги и бѣлая, яркая церковка встала передо мною. Калитка, заборъ и тропинка къ церкви... Остановился, перекрестился и съ трепетомъ вошелъ. Въ трапезной небольшой монашекъ въ бѣломъ подрясникѣ, съ рыжей бородкой и такими лучистыми глазами встрѣтилъ меня и указалъ какъ пройти въ церковь. Я перешагнулъ черезъ порогъ церкви и передо мною открылась та же картина, которую я иначе не назову какъ отрывокъ изъ Пролога [illegible]ій разсказъ изъ Четьи-Миней, ибо все мое недолгое пребываніе тамъ было [illegible] въ какой то чудесной, иконописно-житійной обс[illegible].

Двѣ мерцающія лампадки у мѣстныхъ иконъ, тьма въ церкви и лишь на клиросѣ нѣсколько свѣчекъ въ рукахъ у пѣвцовъ. Кое-гдѣ сѣрыя пятна кланяющихся фигуръ — это селяки сосѣднихъ деревень. Высокимъ голоскомъ читаетъ монашекъ каѳизму и гулкимъ эхомъ въ церкви тонутъ концы стиховъ. Тихо вздыхаетъ рядомъ со мною старушка въ большомъ платкѣ. Огромная тѣнь ея головы прыгаетъ по стѣнѣ. Выходитъ изъ алтаря въ мантіи служащій іеромонахъ и съ поклонами передъ царскими вратами читаетъ эктенію. Тягучій голосокъ каннонарха, отрывистое устаное пѣніе хора, поклоны, мерцающая игра лампадъ. Въ алтарѣ пономаритъ старый-старый схимникъ, весь заросшій сѣдой бородой и съ глазами Врубелевскаго Пана исподъ надвинутаго на лобъ кукуля.

И такъ эти каждодневныя частныя службы, стояніе на клиросѣ съ братіей, чтеніе, общая вечерняя молитва, поклоны

и тихій вздыхающій шопотъ: — „Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя".

И среди всей этой братіи, среди этихъ русскихъ иноковъ стоитъ маленькая, черная фигура святителя. О немъ сказать нѣсколько словъ. Трудно говорить о такихъ людяхъ, страшно къ нимъ подойти. Съ особымъ благоговѣйнымъ трепетомъ склоняешься въ земномъ поклонѣ передъ нимъ, прося его благословенія. И, не смотря въ его лицо, принимаешь широкое крестомъ его осѣненіе маленькой суховатой рукой, немного отрывистое и рѣзкое. А если взглянуть въ его лицо становится особенно благоговѣйно страшно: немного припухлая, точно дѣтская, верхняя губа, черная маленькая бородка, длинные, волнистые, шелковые черные волосы ниже пояса, слегка раскосые глаза, надвинутый клобукъ съ широкой наметкой. Величайшій постникъ, молитвенникъ, человѣкъ той особой духовной жизни. уже увидѣвшій тѣ высоты и лазурныя, свѣтлыя дали, которыя видимы имъ, этимъ полу-земнымъ людямъ, этимъ ангеламъ во плоти, уже живущимъ не здѣсь.

Особое настроеніе создавалось у меня. Свѣтлою лунной ночью на виноградникѣ, въ шалашѣ, лежа на скамейкѣ и отдыхая отъ службы въ церкви и дневного зноя, задумывался я надъ этой особой тихой жизнью. Истосковалась душа, въ изгнаніи сущая, по этимъ нашимъ бѣлымъ русскимъ обителямъ, по монастырѣ, скитѣ, пустынькѣ, по старцамъ, схимникамъ, по ночной службѣ, „сладкопѣніи", по аромату монастырскаго житія. Здѣсь, вдали отъ полей и лѣсовъ святой России, среди хоть и братскаго, православнаго народа, но не знающаго этой красоты, не вѣдавшаго ея, не видавшаго этихъ бѣлыхъ оградъ и темныхъ келій — здѣсь особенно чувствовалась эта тоска по русской святости, чувствовалась такъ остро возможность хоть приблизительнаго, хоть далекаго воспоминанія о ней. Среди сербскихъ монастырей, среди пустыхъ келій и заглохшихъ и запыленныхъ церквей такъ особенно ярко ощущалось это настроеніе, эта монастырская, тихая, благодатная жизнь. Видѣлось, конечно, только свѣтлое и хорошее и недочетовъ не хотѣлось и смотрѣть.

Раннимъ утромъ, до солнечнаго восхожденія, шелъ изъ шалаша, сбивая росу, въ церковь къ утрени. Іеромонахъ сутулой походкой идетъ на колокольню и мѣрными ударами сзываетъ братію въ храмъ. И тянутся черныя тѣни и съ поклонами по сторонамъ и уже стоящему святителю идутъ на клиросы. А стоя на клиросѣ, читая въ этихъ толстыхъ книгахъ каноны, поученія, псалмы и вникая въ эту неизрѣченную глубину православной сокровищницы, озаряясь этимъ благодатнымъ свѣтомъ богодухновенныхъ молитвъ и пѣснопѣній, переживалось то особое чувство полноты церковности, восходилъ на неизвѣданныя

высоты православнаго Духа, взиралъ своими немощными, худыми, несовершенными очами въ ликъ Православія.

И часто за время моего пребыванія въ монастырѣ, зайдя въ церковь ранѣе службы или оставаясь тамъ послѣ службы я видѣлъ какъ на клиросѣ стоялъ Святитель съ опущенными рѣсницами и надвинутымъ клобукомъ и долго читалъ и перекладывалъ толстыя книги въ желтыхъ переплетахъ. Его маленькія руки переворачивали страницы шершавой, толстой бумаги и глаза пробѣгали по строкамъ чернаго и краснаго письма и черпали эти сокровища изъ сокровищницы Православныхъ молитвъ. Подолгу, упиваясь стилемъ и образностью этихъ словъ онъ читалъ эти много-много разъ перечитанныя и пропѣтыя строки, пересыпалъ изъ руки въ руку полныя пригоршни самоцвѣтныхъ камней...

Я думалъ: — „вотъ я, приподнимая эту златотканную завѣсу изъ потемнѣвшей отъ времени парчи божественныхъ словъ, заглядывая въ эту глубину духа я трепетно и откровенно познаю и принимаю въ себя эти лучи неземной красоты по своему невѣдѣнію, немощи, полной приверженности къ тяжелой мірской, земной жизни. Это для меня откровеніе то далекое, знакомое, но забытое, почти невѣдомое, это таинственное откровеніе божественныхъ глаголовъ, для меня, для моей ничтожности и грѣховности. Но онъ? Этотъ святитель, величайшій постникъ, молитвенникъ, подвижникъ, этотъ маленькій сутуловатый монахъ, что ищетъ въ этихъ книгахъ онъ? Неужели онъ, — въ своихъ молитвенныхъ подвигахъ видящій Божественный Свѣтъ и слушающій неземную ангельскую пѣснь, — неужели онъ ищетъ того же, неужели и ему эти книги откровеніе. И вспоминаю разсказъ объ одномъ разговорѣ съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Вопросъ о. Іоанну, „откуда у него эта вѣра“? и отвѣтъ — „отъ частаго служенія литургіи и вседневнаго чтенія Миній, не житій, не Четій-Миній, а богослужебныхъ Миній, службъ нашимъ святымъ, нашимъ праздникамъ. Оттуда вѣра“!

Становилось понятнымъ откуда то особое настроеніе, и столь дорогія еще ранѣе, столь близкія еще издавна эти толстыя книги, стали еще дороже, еще ближе. Стали нужнѣе. Въ нихъ видѣлся не только труднопонимаемый славянскій текстъ витіеватыхъ или простыхъ молитвъ, — въ нихъ видѣлось другое — источникъ крѣпости, источникъ вѣры, радость подлиннаго житія о Господѣ.

Святая Параскева, въ ея монастырѣ, въ глуши холмовъ и перелѣсковъ, избѣгшіе русскіе иноки собрались для служенія православной Красотѣ. Созданная трудомъ и молитвами ихъ обитель засіяла свѣтомъ на всю округу. Въ возгласахъ канонарха, въ сладкопѣніи каноновъ и стихиръ возсіяла огонькомъ

православная церковность, та церковность, о которой сказано, что она даетъ судить о томъ, что православно и что нѣтъ, та сокровищница, полная драгоцѣнныхъ алмазовъ и изумрудовъ.

Я началъ съ этой русской обители. Съ нея именно потому, что въ ней впервые послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанничества я снова обрѣлъ потерянную красоту православнаго русскаго Богослуженія. Стояніе на клиросѣ въ храмѣ святой Пятницы, чтеніе въ этихъ дивныхъ книгахъ, звукъ послѣднихъ стиховъ, прологъ, поученіе изъ патериковъ, вечерняя молитва, рокочущій голосъ чтеца — все это вернуло меня къ русской Богослужебной красотѣ нашихъ обителей. Напомнила мнѣ такъ много, много изъ потеряннаго въ Россіи.

И главное это — эти толстыя книги; онѣ меня вернули къ нѣкоторымъ мыслямъ. Какъ это странно иногда случается, часто совершенно неожиданно, нѣкоторыя вещи и обстоятельства заставляютъ сдѣлать и начать думать снова о томъ, о чемъ хоть и хотѣлось, но почему то не умѣлось и не удавалось. Такъ вотъ и теперь появилось то особое настроеніе въ переживаніи церковнаго богослуженія и особенно въ отношеніи къ церковнымъ пѣснопѣніямъ, появились, казалось, забытыя чувства, о которыхъ мнѣ хочется Вамъ, друзья, сказать нѣсколько словъ.

* * *

„У Сифа также родился сынъ, и онъ нарекъ ему имя: Еносъ; тогда начали призывать имя Господа“ (Бытіе, IV—26). Какими жуткими и въ тоже время простыми, кажутся эти слова. „Тогда начали призывать имя Господа“. До этого первые люди не призывали Господняго имени, послѣ грѣхопаденія, впервые при Еносѣ началось общественное славленіе Бога. При немъ м. б. родились первыя молитвы, впервые возникло богослуженіе. Намъ страшно это простое, спокойное, жуткое повѣствованіе Библіи, намъ, если мы не отрѣшимся отъ нашей теперешней обстановки, отъ нашего религіознаго сознанія. Ибо мы, обладающіе богатствомъ молитвъ и обрядовъ, мы себѣ съ трудомъ представляемъ это первое призываніе имени Господняго. Наше сознаніе оцерковленнаго человѣка не можетъ себѣ ясно представить мертвой нецерковной жизни.

И на всемъ протяженіи ветхозавѣтной исторіи іудейства мы находимся подъ этимъ гнетомъ мертвенной, безжизненной, не церковной религіозности. Церковь не творческая, не имѣющая въ себѣ силы, не обладающая живительнымъ Источникомъ. Итакъ до Рождества Спасителя.

„Процвѣла есть пустыня, яко кринъ Господи, языческая неплодящая Церковь пришествіемъ Твоимъ, въ ней же утвердися мое сердце“ (кан. 2 гл., ірм. 3 п.).

„Жезлъ въ образъ тайны пріемлется, прозябеніемъ бо предразсуждаетъ священника. Неплодящей же прежде Церкви, нынѣ процвѣло древо Креста въ державу и утвержденіе" (кан. 8 гл., ірм. 3 п.) — такъ поетъ пѣснописецъ. За мертвой, неплодящей Церковью явилась Церковь Христова, еже есть Столпъ и Утвержденіе Истины (stilos kai Edraioma tis alytheias), Невѣста Христова, Церковь, утвержденная „на камени заповѣдей", на камени иже „бысть во главу угла", и „иже есть Христосъ", „паче коего нѣсть ни свята, ни праведна", Святая Христова, Единая, Апостольская, Соборная Церковь, Тѣлю Его Святое, залогъ спасенія всѣхъ насъ. Въ ней, и только въ ней, вѣруемъ мы, наше спасеніе, только въ переживаніи церковности; а церковность есть жизнь и какъ всякая жизнь недоступна разсудку и эта жизнь въ Духѣ и критерій правильности этой жизни — Красота. „Да, есть особая Красота", говоритъ о. Павелъ Флоренскій, — „духовная и она неуловимая для логическихъ формулъ, есть въ тоже время единственно вѣрный путь... Знатоки этой красоты старцы духовные „мастера художества изъ художествъ"...

Наши святые угодники, преподобные и святители, просіявшіе подвигами своего житія у Господа, они создали намъ эту красоту, они наполнили церковную ризницу этимъ богатствомъ, этими безцѣнными дарами, возрастили мотитвенные крины сего духовнаго вертограда.

„Отцы пустынники и жены непорочны"...

Отъ нихъ у насъ это дивное наслѣдіе, черезъ длинный рядъ вѣковъ, черезъ всю исторію нашей Церкви сохранено намъ это богатство.

То дерзновенное, то самое большое и святое, что у человѣка есть, — это его обращеніе къ Богу, это тѣ слова, которыя онъ наединѣ говоритъ Самому Богу, тѣ несовершенныя и блѣдныя словесныя изображенія своей вѣры и любви къ Богу, которые онъ смиренно, но и дерзновенно предноситъ Престолу Всевышняго и полагаетъ Подножію Его. И они, эти „словеса чистыя", сохраненныя намъ грѣшнымъ, молитвы Самимъ Богомъ внушенныя и навѣянныя тихимъ помавеніемъ Голубиныхъ Крилъ Духа Жизни Подателя и Утѣшителя, сложенныя изъ самаго сердца — эти святыя слова сохранены намъ въ тѣхъ особыхъ, чудныхъ, таинственныхъ книгахъ.

Не съ нашей человѣческой логикой подходить надо къ нимъ, къ этимъ хранилищамъ Духа Истины, а съ чувствомъ особой смиренной вѣры.

„Не мудростью и богатствомъ да хвалится смертный своимъ, но вѣрою Господнею православно взывая Христу Богу и поя присно: на камени Твоихъ звповѣдей утверди мя Владыко" (кан. I гл., ірм. 3 п.).

Не какъ къ простой книгѣ надо подходить къ ней, не къ простому печатному слову, не мимоходомъ, какъ ко всякой книгѣ. Не такъ! а смиренно, съ склоненной головой, съ огарочкомъ ярой, восковой свѣчи трепетною рукою раскрываю я огромную толстую книгу, лежащую на потертомъ, кожей обтянутомъ аналоѣ. Въ головѣ мрачныя мысли, въ сердцѣ тоска по чему то неизвѣданному, въ душѣ выжженная пустота, выжженная житейской заботой и смутой. Съ трудомъ я различаю передъ собою слѣповатый текстъ. Руки трепетно перелистываютъ листъ за листомъ... Мысль остановилась... Не думается ни о чемъ. Я не воспринимаю смысла читаемаго. Непонятный славянскій текстъ. Прыгаютъ жирныя черныя и красныя строки и мелькаютъ завитыя начальныя заставки. Толстый, свиной кожи переплетъ съ тисненіемъ, полустертый золотой налетъ.

„Канонъ творенія Кvр-Іоанна, стихира, слава, подобенъ Доме Ефрафовъ, и нынѣ" и т. д. и все мелькаютъ на каждой страницѣ безъ порядка, кажется, и счета. И непонятенъ мнѣ этотъ языкъ, страшна мнѣ эта Минія съ шершавыми листами, закапанными воскомъ. Сколько рукъ перелистывало эту святыню, сколько глазъ пробѣжало по этимъ строкамъ, сколько службъ было пропѣто по ней...

Подымаю кверху голову и смотрю сквозь тусклое окно на загорающіяся звѣзды въ небѣ. Передъ окномъ качается вѣтка съ золотыми листьями; на небѣ вспыхиваютъ огоньки. Тихое, полудремотное состояніе, и полузакрывъ глаза, смотрю на огромный Ликъ Спасителя, темный, съ большими, большими глазами — стараго письма Спасъ Мокрая Борода, и отъ лампады огонекъ и лучъ играетъ на немъ. Тихо. Тихо.

И со старинныхъ иконъ, съ покоробившихся досокъ, смотрятъ лики. Наклоненныя въ сторону фигуры, большіе выпуклые лбы, завитыя бороды, яркія краски, кресчатыя ризы. Въ святительскихъ омофорахъ, въ мантіяхъ и схимническихъ аналавахъ, въ простомъ иноческомъ одѣяніи. Угодники Божіи, постники, подвижники, молитвенники, скорые заступники, „сограждане ангеловъ"*), какъ называетъ ихъ церковная пѣснь, святые, создавшіе для насъ богослужебную письменность, творцы этихъ пѣснопѣній и молитвъ, вписавшіе свои богатые дары Духа въ эту толстую книгу и сами сподобившіеся молитвъ и службъ.

Изо дня въ день, число за числомъ, на каждой страницѣ этой Миніи, стоятъ эти службы святымъ.

Озаренные благодатію Духа Святого, укрѣпившіе себя въ постническихъ и молитвенныхъ подвигахъ, они движимые этой

*) Стихира св. Павлу Ѳивейскому.

Божественной силой слагали изъ сердца своего эти словеса разумѣнія.

„Слова молитвенныя суть молитвенныя изліянія изъ сердецъ Святыхъ мужей и женъ, исторгавшіеся, когда Духомъ Божіимъ движимы они изрекали предъ Богомъ желанія сердца своего. Въ нихъ заключенъ духъ молитвенный; симъ же духомъ преисполнишься и ты, если будешь прочитывать ихъ, какъ должно, какъ духъ какого-нибудь писателя сообщается тому, кто читаетъ его съ полнымъ вниманіемъ" — такъ говоритъ еп. Феофанъ, затворникъ Вышенскій**). И дальше поучаетъ онъ:

„Внезапные порывы значатъ, что молитва начала водворяться въ сердце и наполнять его"...

И слова этихъ книгъ не простыя слова, — они навѣяны Духомъ Святымъ, Имъ вдохновлены. И страшно становится при этой мысли, страшно своей немощи и ничтожности и вникая въ слова сіи дерзаешь проникать въ эти Божественные Глаголы. Не не умомъ, конечно, не мудростью, не тщаніемъ ума своего, а порывомъ сердца, душею.

* * *

Переворачиваю листъ книги. День за днемъ идутъ передъ глазами праздники, дни Святыхъ, преподобныхъ, мучениковъ, чтимыхъ иконъ Божіей Матери и каждому посвящены свои пѣснопѣнія и всѣ они передъ глазами, все житіе ихъ отпечатлѣлось въ этихъ страницахъ. Вся творческая жизнь, результатъ всей созидательной работы Церковнаго Духа Красоты запечатлѣлись въ сихъ „подобнахъ", „стихирахъ" и пр. Длинная нить прекрасныхъ жемчужинъ, нанизанныхъ благоговѣйной рукой студійскаго инока, подобранныхъ по оттѣнку, цвѣту, красотѣ, одна къ другой, сверкающихъ матовымъ блескомъ, и дальше идетъ какой нибудь канонъ, твореніе Кvръ-Косьмы, его же краестрочіе ossana Christos eulogimenos Theos; и представляется греческій дивный текстъ, написанный стихами, такъ что каждая начальная буква строки даетъ акростихъ, полный глубокаго смысла, — краестрочіе канона, — текстъ въ такомъ видѣ, къ сожалѣнію, не сохранившійся въ славянскомъ переводѣ. И дальше какъ нѣкіе изумруды сіяютъ загадочнымъ бездоннымъ Свѣтомъ, догматики, — полные бездоннаго догматическаго смысла, какъ алмазъ отточенные тропари и т. д. И всѣ эти груды самоцвѣтныхъ камней сіяютъ мнѣ изъ черныхъ и красныхъ строчекъ...

Я всматриваюсь въ службу святому (11/X). Святительское облаченіе, на иконѣ его, стариннаго письма, горящій взглядъ

**) Еп. Өеофанъ „Невидимая брань" ст. 196.

устремленъ къ Источнику Живота Вѣчнаго. Лицо его все заклеймлено позорными стихами, выжженными нечестивыми иконоборцами за его стойкость и приверженность къ поклоненію св. иконамъ, — за то и прозванный — „Начертанный“ — Ѳеофанъ Исповѣдникъ и творецъ каноновъ, — митрополитъ Никейскій. Еще инокомъ Лавры св. Саввы Освященнаго, начавшій подвизаться въ сложеніи стиховъ духовныхъ, возлюбившій паче всего писаніе каноновъ, создавшій дивные образцы ихъ.

„Положи, Господи, Твоей церкви утвержденіе, пребывати въ вѣкъ вѣка непреложной отъ смятенія ересей“ (1 тр. 5 п. канонъ 6 нед. правосл. гл. 4), — такъ взываетъ Начертанный Святитель послѣ водворенія въ Церкви мира послѣ иконоборческой ереси.

И тотъ же Ѳеофанъ Творецъ написалъ дивный канонъ Благовѣщенію. Кто не знаетъ этого прекраснѣйшаго канона — этого умилительнаго діалога Пречистой Дѣвы съ Гавріиломъ.

Онъ же написалъ канонъ на погребеніе и слышится изъ устъ его кондакъ „Со Святыми упокой“...

Еще нѣсколько страницъ дальше и служба другому величайшему Святому Православному, Святителю, узрѣвшему Пречистую Дѣву и сложившему Ея Божественную Похвалу.

„Украшенъ добродѣтельми Косьмо“, поетъ ему Церковь и взываетъ — „радуйся, отче пребогате!“

„Отче пребогате!“ Есть ли точнѣе и вѣрнѣе опредѣленіе ему. Тоже инокъ лавры св. Саввы, совоспитанникъ величайшаго Дамаскина и его сподвижникъ, іерусалимскій инокъ, епископъ Маіумскій, сосудъ божественныя благодати.

Куръ-Косьма, чье имя заставляетъ трепетно сжиматься сердце и съ особымъ благоговѣніемъ читать творенія его духа. Косьма, написавшій каноны почти на всѣ двунадесятые праздники, величайшимъ святымъ, сложившій дивную пѣснь, выше коей по простотѣ и глубинѣ нѣтъ да и не создать:

„Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ, безъ истлѣнія Бого-Слова родшую, Сущую Богородицу Тя величаемъ“ — возносится пѣснь отъ нашихъ несовершенныхъ словесъ — Пречистому Имени Всесвятой Дѣвы и Матери.

Божественный Косьма, понимая всю немощь своихъ слабыхъ словъ и понятій, смиренно поетъ Богоматери въ день Рождества Ея Безплотнаго Сына:

„Любити убо намъ яко безбѣдное страхомъ удобѣе молчаніе, любовью же Дѣво пѣсни ткати спротяженно сложенныя, неудобно есть: но и Мати, силу, елико есть произволеніе даждь“ (кан. Р. Х. гл. 1. ірм. 9 п.).

Вообще особенно трогательно преклоненіе и благоговѣйное почитаніе памяти Честнѣйшей Херувимъ у Косьмы Маіум-

скаго. Смиренно, со сладкопѣніемъ Церковь наша поетъ Ей въ день Святыхъ Богоявленій:

„Недоумѣетъ всякъ языкъ благохвалити по достояніи, изумѣваетъ же умъ и премірный пѣти Тя Богородице".

„Обаче благая сущи, вѣру пріими, ибо любовь вѣси божественную нашу Ты бо Христіанъ еси предстательнице, Тя величаемъ". (Кан. Богояв. гл. 2 ірм. п. 9).

На каждой утрени мы поемъ предъ иконой Пречистой „Честнѣйшую Херувимъ" ибо въ этомъ величаніи въ пѣсняхъ Богородицы и Матери Свѣта — наивысшая похвала отъ устенъ нашихъ Ей. Сама Пречистая явилась Косьмѣ и указала на эту пѣснь, какъ наиболѣе Ей пріятную и Ея любимую. И за нимъ поемъ и мы.

Въ Канонѣ Успенія сколько дивныхъ мѣстъ, сколько сыновняго рыданія слышимъ мы у Косьмы, вмѣстѣ съ осиротѣвшими апостолами. Этимъ лѣтомъ въ день Успенія стоялъ я въ алтарѣ Хоповской Церкви. Кончалась утреня. Запѣли монашки свѣтиленъ: (Подобенъ: Небо звѣздами) „Апостоли отъ конецъ совокупльшеся здѣ, въ геѳсиманійстѣй веси погребите тѣло Мое: и ты Сыне и Боже Мой пріими Духъ Мой".

Переливчато и грустно, моремъ бездонной тоски и скорби за оставляемый міръ звучали эти слова въ стройномъ кіевскомъ распѣвѣ. Монашескіе голоса тонули въ родномъ хоповскомъ храмѣ.

Замолкало сопрано: „и Ты Сыне и Боже Мой пріими Духъ Мой"... тонули послѣдніе слова.

Мелькаютъ страницы, пестрятъ строки и имена чередуясь одно за другимъ вѣнчаютъ божественные глаголы. Длинный рядъ ихъ, сонмъ ихъ: Іоаннъ Монахъ, Леонтій маістръ, Павелъ Аморейскій, Анатолій и т. д. Все просіявшіе угодники, сослужащіе Господу съ ангельскими воями, „постническое сословіе"*) и воспѣвающіе Ему и Царицѣ Небесной славословныя пѣсни.

Служба покрову Пресвятыя Богородицы и въ этотъ же день память одного изъ дивныхъ и пречудныхъ святыхъ. Воистину „красота церковная" какъ его величаетъ въ кондакѣ Святая Церковь.

Громадный Цареградскій Храмъ Святыя Божія Премудрости — Софіи. Освѣщенный огнями горитъ онъ и иконы, мозаики, лики святыхъ и Богоматери сіяютъ со стѣнъ его. Вечернее служеніе идетъ въ церкви. Vasilevs, патріархъ, дворъ, весь сонмъ правителей присутствуютъ и внимаютъ сладкопѣнію пѣвцовъ съ клироса; тамъ среди пѣвцовъ и чтецовъ стоитъ смиренно юный чтецъ, невидный, безгласный, преслѣдуемый и гонимый всѣми зазнавшимися придворными святѣйшаго патріарха, терпя-

---

*) Стихир. св. Серафиму Саровскому.

щій насмѣшки и постоянные укоры отъ своихъ злобствующихъ сотоварищей. Его незнающаго пѣть, ради посрамленія его передъ всѣми, выталкиваютъ они на середину амвона и заставляютъ пѣть одного предъ всѣмъ собравшимся людомъ и царемъ. Смущенно стоитъ онъ одинъ посреди и молча переживаетъ свой позоръ. Надъ храмомъ Святыя Софіи повисла жуткая, давящая тишина. И вотъ посрамленный, поруганный всѣми кроткій Романъ, любимецъ патріарха Евфимія, подъ градъ насмѣшекъ, укоровъ униженія, закрывъ лицо руками старается скорѣе смѣшаться на клиросѣ среди своихъ недоброжелателей.

И потомъ всю ночь, въ своей келіи, въ давящей, душной тишинѣ патріаршаго дворца, предъ иконой Пречистой стоитъ юный Романъ и въ горячей молитвѣ къ Владычицѣ умоляетъ Ее и заливаетъ въ молитвенномъ восторгѣ всю горечь незаслуженной обиды и боль сегодняшняго позора.

И вотъ изможденному во снѣ забывшемуся Роману является Пречистая Дѣва и въ рукахъ своихъ держа длинный свитокъ съ Божественными Глаголами, даетъ его юному чтецу и влагаетъ его въ уста ему. И проглатываетъ Романъ длинный свитокъ, какъ греческое житіе его называетъ kontakion. И исполнился онъ дивной силы.

Снова на слѣдующій день въ громадномъ храмѣ Софіи идетъ утреня и снова синклитъ и священство стоятъ внимая искусству патріаршихъ пѣвцовъ. И снова подъ градъ насмѣшекъ и злорадныхъ выпадовъ принуждаемъ итти съ клироса юный Романъ.

Тишина повисла подъ громаднымъ какъ небо куполомъ храма; и вотъ, о чудо! Дивный, грудной голосъ запѣлъ Божественную мелодію и слова, переливаясь звономъ серебряныхъ колокольчиковъ таютъ въ полумракѣ громаднаго храма:

— „Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ и земля вертепъ неприступному приноситъ: Ангелы со пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отроча младо предвѣчный Богъ".

О, предивный и пречудный Сладкопѣвче Романе.

И за этимъ скромнымъ и смиреннымъ образомъ встаетъ другой — величайшій православный художникъ, столпъ истинной вѣры — св. Іоаннъ Дамаскинъ. По значенію своему фигура все затмѣвающая, заслонившая своимъ величіемъ всѣхъ. Это тотъ, кого Церковь уподобляетъ съ Давидомъ, — „наставникъ православія", „учитель благочестія и чистоты", „свѣтильникъ вселенной", тотъ, кто Церковь Святую уяснилъ пѣснями. („Ecclesiae sanctae lumen" — западная Церковь). Также какъ и Косьма, ушедшій отъ міра и прелестей, расточившій богатство, „давшій Богу взаймы", какъ говоритъ пѣсня церковная, и въ лаврѣ св. Саввы слагавшій свои пѣснопѣнія, украшавшій тво-

реніями своими сокровищницу. Онъ сложилъ весь кругъ седмичнаго Богослуженія, создалъ осьмогласное пѣніе, величайшій художникъ слова и духа, онъ и борецъ за святыя иконы, за вѣру православную. Онъ обличалъ „Несторіево раздѣленіе, севирово сліяніе, единовольное пребезуміе“ сопротивникъ еретиковъ и враговъ Христовыхъ, святой навѣки связавшій себя съ пречуднымъ именемъ Богоматери Троеручицы. Въ его дивныхъ догматикахъ вся полнота церковнаго ученія. По нимъ лучше нежеле по ученымъ догматическимъ трактатамъ постигается сокровенный смыслъ Божественныхъ Тайнъ.

Вся исторія Христовой Церкви, все теченіе православной Красоты связано съ ними — этими угодниками и житіемъ ихъ. И идутъ они передо мной эти иконописные лики, цѣлый сонмъ этихъ духоносныхъ иноковъ, схимниковъ, святиталей. Изъ Ѳивейской и Нитрейской пустыни, изъ Іерусалима, Синая, Палестины и изъ Студійскаго монастыря. Тѣ, что „проидоша въ милотехъ и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени; ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустынехъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ (Евр. XI. 37. 38).

Отъ радости міра ушедшіе для познанія не мірской жизни, для лицезрѣнія не этого, не земного свѣта. Ушедшіе для молитвы за этотъ міръ; „отъ мірской жизни къ міровой“. Въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ познавшіе невещественную красоту и намъ ее завѣщавшіе. Возрастившіе своими благоговѣйными трудами вертоградъ истиннаго богопознанія, дивные „молитвенные крины“ отраженіе невещественнаго міра горней славы. „Радуйся, Египте вѣрный, радуйся Ливіе преподобная, радуйся Ѳиваида избранная; радуйся всякое мѣсто и граде и страно, воспитавшая граждане Царства Небеснаго, и сихъ въ воздержаніи и трудѣхъ возростившая, и совершенныя мужи желаній Богу показавшая. Сіи свѣтила душъ нашихъ явишася; сами, чудесъ зарею и дѣлъ знаменьми, просіяше мысленно во вся концы, къ тѣмъ возопіимъ: отцы всеблаженіи, молите спастися намъ“. (Пятокъ сырный. Стихира на Господи воззвахъ гл. 8).

Изъ загадочной Византіи, обвѣянной прянымъ и тяжелымъ ароматомъ своихъ дворцовъ и монастырей. Византія, чья исторія сплошная златотканная парча изъ дивныхъ цвѣтовъ и шелковъ, усѣянныхъ каменьями. Насыщенная сгущеннымъ воздухомъ богословскихъ споровъ, самыхъ ужасныхъ богоотступныхъ ересей и самой чистаго, адамантоваго православія. Византія колыбель православія, выростившая духъ чистаго Христова ученія и создавшая эту сокровищницу красоты. Византія — второй Римъ, послѣ котораго будетъ всего лишь одинъ третій, а четвертому не быти.

Третій Римъ, Царственный Градъ, Москва. Святая Русь. Послѣ Палестины, гдѣ все обвѣяно этой атмосферой святости и святымъ воспоминаніемъ Христовыхъ страданій, и справедливо носящей имя „Святой" Земли, — послѣ нея всего лишь одна Земля — Россія дерзнувшая назваться святой. Она сохранила въ себѣ, въ сердцѣ своемъ выстрадала и выносила православное сіяніе ученія Христова. Послѣдній Римъ.

На всемъ просторѣ Святой Руси создавалось и воспитывалось поклоненіе этой красотѣ, духъ настоящей православной церковности. Кіевскія пещеры, Соловки, Валаамъ, Макарьевъ, Кирилловъ, Саровъ, Оптина. Какія все имена то! Отсюда знаменитые, вѣковые, знаменные и кіевскіе распѣвы. Здѣсь по этимъ обителямъ нашимъ продолжалось нашими боголюбивыми иноками собраніе и украшеніе сокровищницы Слова и Духа — церковной ризницы. Къ принятымъ отъ Византіи стихамъ и молитвамъ добавлялись все новыя и новыя молитвы, русская музыкальная душа переработала заунывный, воющій напѣвъ грековъ, создала свою церковную музыку. Честные отцы, „собесѣдники ангеловъ", боголюбезные иноки стяжавшіе въ сердцѣ своемъ Бога, оставили намъ творенія духа своего, они дополнили эти толстыя книги, трудолюбивою рукою вписывая въ нихъ сокровенные словеса своихъ молитвъ Богу, навѣянныхъ самимъ Утѣшителемъ, — и Церковь каждодневно въ протяженіи цѣлаго года, вспоминая ихъ святую память, поетъ ихъ Богу. Оживаютъ чернокрасныя строки и изъ мертвыхъ славянскихъ буквъ возносятся какъ дымъ кадильный ко Господу слова хваленія и воскликновенія „Ты моя крѣпость, Господи, Ты моя и сила"...

* * *

Я оторвался отъ книги. Поднялъ глаза и снова встрѣтился съ испытующимъ взглядомъ Спасителева Лика. Красная лампадка бросала отблескъ на Него. Хотѣлось молча долго долго смотрѣть на Него и въ этомъ порывѣ забыть все, замолкнуть и застыть. За окномъ качалась золотая вѣтка. Душа была переполнена такихъ разнообразныхъ чувствъ. Полнота переполнила ее.

Не просто писались эти слова. Съ особой громадной подготовкой, съ духовнымъ напряженіемъ приступалъ инокъ къ своему подвигу стихосложенія. Упорнымъ постомъ и молитвеннымъ подвигомъ доходилъ честной отецъ до того состоянія особаго озаренія духа своего и только тогда съ полнѣйшимъ смиреніемъ и сознаніемъ своей грѣховности начиналъ онъ свое послушаніе о Господѣ. Упорнымъ постомъ начинали Рублевъ и Діонисій свои иконописные подвиги и послѣ сокрушенной молитвы изъ подъ кисти ихъ выходили эти дерзновенныя изображенія лика Спасителя, Богоматери и безплотныхъ Силъ — цѣ-

лыя философскія системы, догматы Православія. Икона, какъ сказалъ одинъ нашъ профессоръ, это уже не искусство, а иная дѣйствительность. Такъ и пѣснопѣнія, вышедшія изъ глубины сердца иноческаго -- эти пѣснопѣнія и молитвы уже не простые слова. Эта уже иная дѣйствительность. Церковь ихъ признала своими, Церковь повторяетъ ихъ сокровенный смыслъ на каждомъ богослуженіи, устами Церкви возносимые къ Богу они являются словами не этой дѣйствительности, содержаніе ихъ не обычная человѣческая истина, а Богодухновенная полнота церковнаго богопознанія. Это особенно ясно видно въ такъ называемыхъ „анатоліевыхъ“ стихирахъ на „Господи воззвахъ“, создавшихся въ періодъ наиожесточеннѣйшихъ богословскихъ христологическихъ споровъ несторіанъ, монофизитовъ и монофелитовъ, или божественныхъ догматиковъ Іоанна Дамаскина. Эти послѣдніе, нарочито, при сравненіи ихъ съ учеными догматическими опредѣленіями, хотя бы того же Іоанна Дамаскина „Ekdosis akrivis tis orthodoxou pisteos“ -- по полнотѣ своей и точности и выше и сильнѣе. Въ Церкви все чудо — говоритъ о. Павелъ Флоренскій и таинство-чудо, и водосвятный молебенъ — чудо, и каждая икона — чудо, и каждое пѣснопѣніе, — не что иное какъ чудо. Да все чудо въ Церкви, ибо все что ни есть въ ея жизни, благодатно, а благодать Божія и есть то Единственное, что достойно имени „чудо“.

Вѣрно! И правы тѣ наши ученые богословы, которые говорятъ о необходимости разработки литургическаго богословія, т. е. систематизаціи богословскихъ идей нашего богослуженія; а вѣдь именно тутъ живое самосознаніе Церкви ибо богослуженіе есть цвѣтъ церковной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ корень и сѣмя ея.*)

Какая бездонная глубина, какое широкое поле для изслѣдованія и изученія нашего православія, неимѣющей своей православной методологіи изслѣдованія. Создаваясь въ противовѣсъ протестанскимъ и католическимъ ученымъ трудамъ наша богословская наука въ большинствѣ случаевъ была ностроена соотвѣтственно этимъ системамъ и оперировала съ матеріаломъ и методами не чисто православными. Результатъ же церковной жизни, плодъ православнаго богосознянія, выразившійся единственно въ этихъ книгахъ онъ лежитъ подъ спудомъ, онъ неизвѣстенъ намъ. Онъ похороненъ въ неизвѣстныхъ и страшныхъ на видъ, непонятныхъ свѣтскимъ людямъ, толстыхъ Миніяхъ и Тріодяхъ на клиросахъ церквей и монастырей и только боголюбивымъ инокамъ они открыты и только въ душѣ смиренно ищущей ихъ свѣта и красоты они распускаются дивнымъ криномъ неизрѣченнаго по глубинѣ смысла.

---

*) о. П. Флоренскій ibidem. ст. 298.

Не знаемъ мы ихъ, не хотимъ знать. Не понимаемъ мы славянскаго языка и не разумѣемъ читаемаго въ церкви.

Смиренно, со тщаніемъ постараемся проникнуть въ чудесную глубину этихъ книгъ и поискать въ нихъ то прекрасное, Божественное Откровеніе, тѣ глаголы вѣчной жизни.

„Не мудростью и богатствомъ да хвалится смертный своимъ, но вѣрою Господнею православно взывая Христу Богу"...

Заканчивая свою статью, я надѣюсь, что мы сумѣемъ познать и понять красоту нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣній и что наши страшныя на видъ и непонятныя книги станутъ намъ близкими и источниками познанія подлиннаго бытія о Господѣ и любви къ Православію и нашему Церковному Искусству.

Хочется приникнуть въ глубокомъ земномъ поклонѣ къ землѣ предъ ликомъ Нерукотвореннаго Спаса съ горячей, смиренной и дерзновенной молитвой о томъ, чтобы сподобиться намъ всѣмъ войти въ этотъ вертоградъ духовный и эти взрощенные боголюбивыми отцами молитвенные крины лицезрѣть своими несовершенными очами и пережить эту радость хотя бы отдаленной отблеска и сіянія немеркнущаго свѣта. Ибо мы немощны. И дай Богъ сподобиться намъ хоть отдаленнаго отблеска и въ немощи нашей взывать:

„Велій еси Господи и чудна дѣла Твоя и ниедино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ твоихъ".

КОНСТАНТИНЪ КЕРНЪ студентъ Богосл. фак.

Бѣлградъ С.Х.С.

4 января 1924 года.

День памяти преподобнаго отца нашего Θеоктиста игумена иже въ кукумѣ сікелійстѣмъ. и соборъ святыхъ седмидесяти апостолъ.

ИЗЪ ЦИКЛА „СКАЗАНІЯ".

(Отрывокъ).

...Явь — прошедшему подруга,
Быль — въ теченьи небылицъ...
...Злато главъ и зелень луга,
Облакъ бѣлый... взмахи птицъ!
Надъ Окою — муравою
окаймленная земля
Свѣтлоокой муромою
вознесеннаго Кремля...
Городъ — гомонъ, сонный Муромъ —
въ смутной заросли былья...
Въ монастырскомъ камнѣ хмуромъ
замурованный Илья...
...Онъ не умеръ! Подъ шеломомъ
не сполохъ упавшій спитъ:
Кличутъ очи свѣтлымъ громомъ
мечъ родной на вражій щитъ!..
За дубовымъ, дымнымъ тыномъ
тысячу и третій годъ
Дѣва-Матерь съ малымъ Сыномъ
неусыпная живетъ...
Тропкой тонкой, непримѣтной
по ночамъ, по Божьимъ днямъ
ходитъ въ ризѣ снѣго свѣтлой
по прохладнымъ зеленямъ...
Ходитъ, бродитъ въ странномъ видѣ
по дворамъ, по камнямъ плитъ.
Кто увидитъ — не обидитъ,
а Она благословитъ!
...Люди чуютъ — съ ними сладость, —
Тиховѣйная Жена!
Всѣмъ Нечаянная Радость,
Благость, вѣтеръ и весна!

Д. СОБОЛЕВЪ.

ИЗЪ СВЯТО-ОТЕЧЕСКИХЪ ПИСАНІЙ.

БОЖЕСТВЕННЫЕ ГИМНЫ ПРЕП. СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА*).

ГИМНЪ XXXI.

О бывшемъ св. Отцу видѣніи Божественнаго свѣта и какъ Божественный свѣтъ не объемлется тьмою въ тѣхъ, кто, изумляясь величію откровеній, помнитъ и человѣческую немощь и осуждаетъ себя самого.

Какъ опишу я, Владыко, видѣніе лица Твоего?
Какъ разскажу о несказанномъ созерцаніи красоты (Твоей)?
Какъ звуки рѣчи вмѣстятъ Того, Кого міръ не вмѣщаетъ?
Какъ могъ бы кто-либо изречь человѣколюбіе Твое?
Сидя при свѣтѣ свѣтящаго мнѣ свѣтильника,
Освѣщающаго мракъ ночи и тьму,
Я думалъ, что нахожусь во свѣтѣ, внимая чтенію,
Изслѣдуя, каковы реченія и наблюдая (ихъ) сочетанія.
Итакъ, когда я, занимался этимъ,
Ты внезапно явился вверху гораздо большимъ солнца
И возсіялъ съ небесъ (даже) до сердца моего.
Все же прочее стало казаться мнѣ какъ бы густою тьмою.
Свѣтлый же столпъ посрединѣ, разсѣкши весь воздухъ,
Прошелъ съ небесъ даже до меня жалкаго.
Тотчасъ же забылъ я о свѣтѣ свѣтильника,
Выпустилъ изъ памяти, что нахожусь внутри жилища,
А сидѣлъ я въ мысленномъ воздухѣ тьмы,
Даже и о самомъ тѣлѣ я совершенно забылъ.
Я говорилъ Тебѣ и нынѣ говорю изъ глубины своего сердца:
Помилуй меня, Владыко, помилуй меня, единый
Спаситель, никогда отнюдь не послужившаго Тебѣ,
Но прогнѣвляющаго Тебя отъ юнаго возраста.
Я испыталъ всякій плотской и душевный порокъ

---

*) Божественные гимны Св. Симеона новаго Богослова игумена монастыря Св. Маманта, появились въ русскомъ переводѣ іеромонаха Пантелеймона только въ 1917 году. Переводъ былъ сдѣланъ сначала съ латинскаго перевода этихъ гимновъ по Патрологіи аббата Миня (ser. graec. t. CXX col. 507—602), а послѣ дополненъ и сличенъ съ греческимъ текстомъ по изданію еп Syro (1886) и по копіи рукописи XIV в., находящейся въ библіотекѣ русскаго монастыря Св. Пантелеимона на Аѳонѣ № 670.

И содѣлалъ грѣхи непристойные и безмѣрные,
Хуже всѣхъ людей, хуже всѣхъ безсловесныхъ,
Гадовъ и звѣрей всѣхъ превзойдя.
Итакъ, необходимо, чтобы Ты показалъ Твою милость на мнѣ,
Болѣе всѣхъ согрѣшившемъ безумно.
Ибо не требуютъ, какъ Самъ Ты, Христе, сказалъ,
Здравые врачества, но болящіе (Мѳ. 9, 12).
Поэтому, какъ на многоболѣзненнаго и нерадящаго,
Излей, на меня, Слове, столь великую Твою милость.
Но, о игра свѣта! о движенія огня!
О круги пламени, во мнѣ несчастномъ
Производимые Тобою и Твоею славою.
Подъ славою же я разумѣю и называю Духа Твоего
Святаго, соестественнаго и равночестнаго (Тебѣ), Слове,
Однороднаго, единославнаго и одного единосущнаго
Отцу Твоему и Тебѣ, Христе, Боже всѣхъ.
Поклоняясь Тебѣ, благодарю, что Ты сподобилъ меня
Хотя нѣсколько познать силу Божества Твоего.
Благодарю, что Ты Самъ сѣдящему во тьмѣ
Открылся мнѣ, возсіялъ и удостоилъ меня видѣть
Этотъ свѣтъ лица Твоего — для всѣхъ нестерпимый.
Я пребывалъ, (какъ) знаю, сѣдящимъ во тьмѣ,
Но и среди нея ко мнѣ, покрытому тьмою,
Явился Ты — Свѣтъ, всего меня просвѣтилъ всѣмъ свѣтомъ (Своимъ),
И я сдѣлался свѣтомъ во (время) ночи, являясь (имъ) среди тьмы.
Ни тьма не объяла всего свѣта Твоего,
Ни свѣтъ не прогналъ видимой тьмы,
Но они (были) вмѣстѣ несліянными и совершенно раздѣльными.
Далеко другъ отъ друга, какъ и слѣдуетъ — отнюдь не растворившимся.
Однако въ одномъ и томъ же (мѣстѣ) они наполняютъ, какъ я думаю, все (пространство).
Такимъ образомъ я нахожусь во свѣтѣ, будучи среди тьмы,
И наоборотъ я пребываю во тьмѣ среди свѣта:
Вотъ — и среди свѣта, вотъ и — среди тьмы.
И кто, спрашиваю я, дастъ мнѣ во тьмѣ и среди (тьмы) найти свѣтъ,
Воспріятія котораго она не вмѣщаетъ? ибо какъ тьма вмѣститъ
Внутри свѣтъ, не убѣжавъ, но оставшись среди
Свѣта тьмою? О страшное чудо, видимое
Двояко, двойными очами, тѣлесными и душевными.

Послушай теперь о страшныхъ (вещахъ) двоякаго
Бога*) (я говорю о тебѣ)**),
Бывшихъ и для меня, двоякаго, какъ человѣка.
Онъ (Сынъ Божій) воспріялъ плоть мою и далъ мнѣ Духа,
И я сдѣлался Богомъ по благодати Божественной,
Сыномъ по усыновленію, однако (сыномъ) Божіимъ. О (высокое) достоинство! о слава!
Какъ человѣкъ, я печалюсь и считаю себя самого несчастнымъ
И помышляя о своей немощи, вздыхаю,
Будучи совершенно недостоинъ жизни, какъ хорошо я знаю.
Уповая же на благодать Его и размышляя
О той добротѣ, какую Онъ даровалъ мнѣ, я радуюсь, видя (ее).
Итакъ, съ одной стороны, какъ человѣкъ, я не умѣю созерцать ничего Божественнаго,
Будучи совершенно отдѣленъ отъ невидимаго;
Съ другой стороны, вижу, что чрезъ сыноположеніе я сдѣлался Богомъ,
И бываю причастникомъ (того), что неприкосновенно.
Какъ человѣкъ, я не имѣю ничего возвышеннаго и Божественнаго,
А какъ помилованный нынѣ благостію Божіею,
Имѣю (въ себѣ) Христа — Благодѣтеля всѣхъ.
Поэтому я снова припадаю (къ Тебѣ), Владыко, моля (о томъ),
Чтобы мнѣ отнюдь не лишиться надежды моей на Тебя,
И пребыванія (съ Тобою), и чести, славы и царствія.
Но какъ нынѣ Ты сподобилъ меня, Спасителю, видѣть Тебя,
Такъ и по смерти дай мнѣ видѣть Тебя,
Не говорю, насколько (видѣть), но милостиво и благоутробно (воззри тогда),
Благоутробне, милостивымъ Твоимъ окомъ, какъ и нынѣ взираешь на меня,
Исполняя меня Твоей радости и Божественной сладости.
Ей, Творче, и Создателю мой, покрой меня рукою Твоею,
И не остави меня, и не памятозлобствуй,
Не поставь (въ осужденіе), Владыко, великой неблагодарности моей.
Но сподоби меня даже до кончины во свѣтѣ Твоемъ
Нелѣностно ходить путемъ заповѣдей Твоихъ,
И въ него — во свѣтъ рукъ Твоихъ, Всемилостиве,

---

*) т. е. обоженнаго человѣка, очевидно.
**) т. е. слушатель или читатель.

Предать духъ свой, избавляя меня, Слове, отъ враговъ,
Тьмы, огня и вѣчныхъ мученій.
Ей, великій въ щедротахъ и неизреченный въ милости,
Сподоби въ руки Твои предать душу мою,
Какъ и нынѣ я нахожусь въ рукѣ Твоей, Спасе.
Итакъ, да не возбранитъ грѣхъ пути моему,
Да не отторгнетъ онъ, да не отлучитъ меня отъ руки Твоей.
Но да посрамится страшный князь — душетлитель,
Видя меня находящимся въ Твоей длани, Владыко,
Какъ и нынѣ онъ не смѣетъ приблизиться ко мнѣ,
Видя меня покрываемымъ Твоею благодатію.
Не осуди меня, Христе, во адъ и не отрини,
Не сведи душу мою во глубину смерти,
Такъ какъ я дерзаю именовать Твое имя,
Нечистый, мерзкій и совершенно оскверненный.
Да не развернется земля и да не поглотитъ, Слове, меня преступника,
Совершенно недостойнаго ни жить ни пользоваться рѣчью.
Да не снидетъ огонь на меня и да не пожретъ меня внезапно,
Такъ что я не буду имѣть возможности сказать даже: Господи, помилуй.
О великій въ милосердіи и по естеству Человѣколюбецъ!
Не вниди въ судъ со мною.
Ибо что вообще я провѣщаю (на судѣ), будучи (весь) грѣхомъ?
Да и могъ ли бы я хотя нѣчто сказать (въ свое оправданіе), осужденный (уже),
Отъ чрева матери своей безмѣрно предъ Тобою согрѣшившій
И донынѣ пребывающій безчувственнымъ къ Твоему долготерпѣнію,
Тьмочисленно низведенный во глубину ада
И извлеченный оттуда Твоею Божественною благостію,
Члены и плоть души и тѣла своего
Осквернившій, какъ никто другой изъ живущихъ на свѣтѣ,
Неистовый и безстыдный любитель удовольствій,
Злой и лукавый отъ душевной порочности
И ни одной Твоей, Христе, заповѣди отнюдь не соблюдшій?
Что скажу я въ свою защиту, что отвѣчу Тебѣ,
Съ какою душою снесу Твои обличенія, о Боже мой,
Когда Ты обнажишь мои беззаконія и злодѣянія?
О безсмертный Царю! не покажи ихъ всѣмъ,
Такъ какъ я трепещу, помышляя о дѣлахъ моей юности.
Говорить (о нихъ) было бы ужасно и постыдно,

Такъ какъ если бы Ты пожелалъ открыть ихъ предъ всѣми,
То стыдъ мой будетъ хуже всякаго мученія.
Ибо кто, увидя мое сладострастіе и распутство,
Кто, увидя нечистыя объятія и постыдныя мои дѣянія,
Которыми я и нынѣ оскверняю себя, принимая ихъ въ умѣ.
Не ужаснется, весь не содрогнется
И не воззоветъ, тотчасъ отвративъ очи
И говоря: смерть всескверному этому!
Повели, Владыко, связать этого несчастнаго по рукамъ и ногамъ
И вскорѣ же ввергнуть во мрачный огонь,
Чтобы не смотрѣть на него намъ, вѣрнымъ рабамъ Твоимъ.
(Ибо) поистинѣ — достойно, Владыко, поистинѣ праведно.
(Такъ) всѣ они скажутъ, и Ты самъ сотворишь (это),
И я распутный и блудный буду вверженъ въ огонь.
Но Ты, пришедшій спасти блудниковъ и блудницъ,
Не посрами меня, Христе, въ день судный,
Когда Ты поставишь овецъ Твоихъ одесную Себя,
А меня и козлищъ ошуюю Себя.
Но свѣтъ (Твой) пречистый, свѣтъ лица Твоего
Да покроетъ дѣла мои и наготу души моей,
И да облечетъ меня въ свѣтлую (одежду), дабы я со дерзновеніемъ
Непостыдно сопричтенъ былъ къ деснымъ овцамъ
И съ ними славилъ Тебя во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАННИКИ.

Тихо странные, чужіе
Медленной стопой
Мы идемъ въ холодномъ мірѣ
Узкою тропой.

Мы въ толпѣ шумливой, пестрой
Міру далеки —
Свѣчи тонкія изъ воска
Божьи свѣтляки.

Но смиренные въ заплатахъ
Путь избравъ къ Кресту,
Средь богатыхъ, сильныхъ, знатныхъ
Ближе мы Христу.

Теплимъ свѣчи въ мглѣ туманной,
Терпимъ холодъ росъ,
Насъ убогихъ, сирыхъ, странныхъ
Водитъ Самъ Христосъ.

И когда въ бѣдѣ, гоненьяхъ
Будетъ путь свершенъ,
Насъ возьметъ въ Свои селенья,
Успокоитъ Онъ.

И поставитъ тамъ превыше
Знатныхъ міра сихъ
Насъ убогихъ, сирыхъ, нищихъ,
Странниковъ своихъ.

Е. ЖУРАВСКАЯ.

——

ВѢРУЮ.

Духовный концертъ русскаго
хора въ Бѣлградѣ.

Былъ жутокъ сонъ души. Холодный, безучастный
Весь міръ вокругъ нея лежалъ, какъ мертвый долъ.
И въ тяжкомъ забытьѣ, таинственно и властно
Надъ нею раздался торжественный глаголъ.
„Я вѣрую“, звучалъ проникновенный
„Во Вседержителя и Бога и Отца,
Земли и неба, видимой вселенной
И всѣхъ невидимыхъ единаго Творца.
И въ Сына Божія, Іисусомъ нареченна,
Христа и Господа, рожденна прежде вѣкъ,
Единосущнаго Отцу, несотворенна;
Сошедшаго на землю ради человѣкъ,
Распятаго за насъ, страдавша, погребенна,
Воскресшаго, восшедшаго на небеса“...
И чудилось душѣ: со всѣхъ концовъ вселенной
Отвѣтомъ: „Вѣрую“ неслися голоса.
Росли и крѣпли звуки, чуждые печали
Казалось изъ земли умершіе отъ вѣкъ
Свой тайный тихій гласъ въ глаголѣ томъ сливали
И пѣли горы, небо, море, воды рѣкъ.
А мощный голосъ въ чудномъ вдохновеньи
Звучалъ восторженно и мѣрно въ высотѣ
О вѣрѣ въ Духа, мертвыхъ воскресеньи,
О жизни будущей, о царствѣ во Христѣ...
И слышала душа, какъ въ горнихъ херувимы
На пѣснь отозвались хвалою безъ конца,
И „Вѣрую“ неслось побѣдно и незримо
Къ чертогамъ вѣчной славы Вѣчнаго Творца.

Е. ЖУРАВСКАЯ.

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ.

КЪ СОЗЫВУ ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА

въ 1925 году въ гор. Нишъ (Сербія), мѣстѣ рожденія визант. импер. Константина Великаго, уже идутъ приготовленія. Присоединились нѣкоторыя православныя церкви. Такъ, святѣйшій патріархъ Тихонъ въ отвѣтъ на телеграмму сербскаго министра вѣры Д-ра В. Янича изъявляетъ свою радость, что соборъ созывается въ Сербіи и предлагаетъ предстоящему собору, какъ agenda, пятнадцать пунктовъ. Ожидается присоединеніе восточныхъ церквей, что должно быть рѣшено на засѣданіи 3(16) іюня въ Іерусалимѣ, куда съѣдутся представители восточныхъ церквей.

БОГОСЛОВСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Православный Богословскій факультетъ Бѣлградскаго университета приступаетъ къ изданію научнаго богословскаго журнала на сербскомъ языкѣ „ВѢРА И НАУКА“.

КРУЖОКЪ СТУДЕНТОВЪ-БОГОСЛОВОВЪ ИМЕНИ СВ. АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА IОАННА БОГОСЛОВА.

Православный Богословскій факультетъ Бѣлградскаго Университета съ самаго открытія своего въ 1920 году сталъ привлекать не только сербскую, но и русскую молодежь, жаждущую высшаго богословскаго образованія. Уже въ январѣ 1922 г. группа русскихъ студентовъ не только поступившихъ на факультетъ, но не соблазнившихся выгодами перехода на другіе факультеты, достигала 20 человѣкъ. Старые студенты русскихъ Духовныхъ Академій и Университетовъ, нѣкоторые уже окончившіе по одному факультету, они принесли духъ старой традиціи строгой академичности, уваженія къ наукѣ, соединенные съ глубокой вѣрой въ „глаголы вѣчной жизни". Сама факультетская жизнь, находившаяся въ періодѣ своего первоначальнаго роста, заставила студентовъ обратить свое вниманіе на болѣе правильное прохожденіе университетскаго курса. Отсутствіе библіотеки учебныхъ пособій, необходимыхъ учебниковъ, все это направляло вниманіе студентовъ на эту сторону факультетской жизни и побуждала ихъ объединиться на почвѣ облегченія своихъ академическихъ занятій. Уже первые студенты, поступившіе на факультетъ, вели свои краткія записки по читаемымъ предметамъ, передавая ихъ своимъ преемникамъ по курсу. Но съ каждымъ годомъ, съ каждымъ семестромъ, вносившими новые предметы, а слѣдовательно новыя затрудненія и невозможность кустарнымъ способомъ облегчать свои занятія, яснѣе и яснѣе вставала необходимость организаціи. Только весной 1923 года иниціативная группа изъ 12 студентовъ положила основаніе кружку, какъ не фактической только, но и юридической организаціи. Къ осени 1923 года былъ выработанъ уставъ, представленъ на регистрацію въ соотвѣтствующія учрежденія подъ названіемъ: „Кружокъ православныхъ русскихъ студентовъ богословскаго факультета Бѣлградскаго Университета имени Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова". § 1 устава опредѣляетъ цѣль кружка — объединеніе студентовъ-богослововъ

на пути къ служенію Святой Православной Христовой Церкви, а слѣдующій параграфъ указываетъ на болѣе реальную задачу — взаимной организованной работой облегчить трудныя академическія условія при полученіи высшаго богословскаго образованія за границей и оказывать нравственную поддержку другъ другу. Выставленныя учредителями условія поступленія въ кружокъ: рекомендація трехъ старыхъ членовъ и избраніе общимъ собраніемъ ограничивали доступъ въ кружокъ, благодаря чему не всѣ состоящіе на богословскомъ ф-тѣ русскіе студенты могли стать членами кружка, а только дѣйствительно интересующіеся богословской наукой и своимъ духовнымъ складомъ отвѣчающіе цѣли кружка. Въ октябрѣ 1923 года на первомъ общемъ собраніи было избрано правленіе:

Предсѣдатель свящ. В. Неклюдовъ,
его замѣститель Ѳ. Ѳ. Балабановъ,
секретарь Л. И. Масличъ,
зав. изд. лекцій А. П. Моргуль,
библіотекарь І. П. Расторгуевъ.

Повѣрочная Комиссія:

Іеромонахъ Серафимъ (Паллайда),
А. В. Макаренко,
А. Н. Еленевъ,
М. Б. Максимовичъ.

Почетнымъ предсѣдателемъ кружка изъявилъ свое согласіе быть высокопреосвященный Митрополитъ Антоній. Почетными членами были избраны изъ профессоровъ Богословскаго факультета: Д-ръ Н. Н. Глубоковскій, Д-ръ А. П. Доброклонскій, Д-ръ Ѳ. И. Титовъ (протоіерей), Д-ръ Д. Стефановичъ и приватъ-доцентъ М. А. Георгіевскій.

Первыя денежныя средства, составленныя исключительно изъ членскихъ взносовъ, дали возможность начать кое какую работу и результаты этой работы не замедлили вызвать сочувственное отношеніе со стороны цѣлаго ряда лицъ. Такъ предсѣдатель О-ва Русскихъ Ученыхъ въ Сербіи Д-ръ Е. В. Спекторскій ассигновалъ изъ суммъ о-ва 500 динаръ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, г. Легетъ, имя котораго хорошо извѣстно русскому студенчеству за границей, пожертвовалъ на 1000 динаръ бумаги для печатанія лекцій, не говоря уже о Д-рѣ Ирвинъ, который по своему званію связанный съ интересами богословской науки, съ начала возникновенія кружка со вниманіемъ слѣдилъ за его работой и оказалъ не малую помощь; рядъ русскихъ священниковъ, состоящихъ на сербскихъ приходахъ, пришелъ на помощь кружку небольшими пожертвованіями безъ какихъ бы то ни было обращеній къ нимъ.

Кружкомъ въ настоящее время издаются шапирографскимъ способомъ слѣдующія лекціи на русскомъ языкѣ:

1. Новозавѣтная Библейская Исторія, проф. Ѳ. И. Титова,
2. Библейская Археологія, его же,
3. Исторія русской Церкви, его же,
4. Общая Исторія Христіанской Церкви, проф. А. П. Доброклонскаго.

Кружокъ насчитываетъ въ настоящее время 32 студента, 2 студентки и 1 вольнослушательницу — всего 35 человѣкъ.

Изъ нихъ:

1. Съ высшимъ образованіемъ . . .	5
2. Окончившихъ семинаріи	10
3. Окончившихъ гимназіи	15
4. Окончивш. реальныя уч-ща . . .	5

изъ нихъ:

Священниковъ	3
Іеромонаховъ	1
Іеродіаконовъ	1
Чтецовъ	7

БѢЛГРАДСКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ КРУЖОКЪ ИМЕНИ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАФИМА.

Бѣлградскій Православный кружокъ имени Преподобнаго Серафима возникъ три года тому назадъ по иниціативѣ четырехъ студентовъ-богослововъ. Стремленіе глубже войти въ жизнь Православной церкви было основнымъ побужденіемъ для его основанія и оно же является единственною цѣлью для его настоящаго существованія. Грозныя событія въ Россіи поставили передъ русскими людьми много новыхъ и трудныхъ вопросовъ и сейчасъ, можетъ быть, особенно остро переживается все то, что связано съ существованіемъ Православія. Наше время требуетъ отъ насъ не только яснаго, до конца продуманнаго, отношенія къ христіанству, но и дѣятельнаго, организованнаго участія въ защитѣ его святынь. Православіе вновь становится вопросомъ жизни для многихъ, многихъ русскихъ людей.

Бѣлградскій кружокъ и старается удовлетворить потребности молодежи осознать себя въ церкви, на этой почвѣ подойти другъ къ другу и найти среди окружающихъ Православныхъ русскихъ людей. Наши собранія состоятъ изъ чтеній докладовъ и взаимнаго обсужденія ихъ. Обычно докладчиками являются сами студенты члены кружка, но иногда мы слышимъ среди насъ людей, могущихъ научить насъ и помочь намъ въ разрѣшеніи мучающихъ насъ вопросовъ. Такъ въ этомъ году у насъ говорили Его Высокопреосвященство Митрополитъ Антоній, Архіепископъ Ѳеофанъ, Епископъ Веніаминъ, о. прот. проф. Булгаковъ, проф. Зѣньковскій и Арсеньевъ.

Въ этомъ году устраивается два рода собраній. Одни изъ нихъ носятъ болѣе открытый характеръ, устраиваются по праздникамъ и собираютъ до 70 человѣкъ, другіе же менѣе многочисленны и болѣе регулярны.

Кромѣ Бѣлграда подобные студенческіе кружки существуютъ и въ другихъ городахъ Европы и между ними поддерживается постоянная связь.

Н. З.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„ДУХОВНЫЙ МІРЪ СТУДЕНЧЕСТВА“, № 4, 1924 года. Органъ русскаго христіанск. студенческаго движенія въ Европѣ.

Содержаніе: 1. Воскресеніе Христово. 2. Изъ святоотеческой литературы: „Слово Іоанна Златоуста“. 3. Изъ религіознаго опыта: „Зовы и встрѣчи“ С. Булгакова. 4. О библейскихъ кружкахъ — М. Л. Бреше. 5. О чудѣ — С. С. Безобразова. 6. Хроника жизни христіанскихъ студенческихъ кружковъ: а) выдержки изъ протоколовъ, б) изъ переписки. 7. Протоколы Семинарія о. С. Булгакова „Новозавѣтное ученіе о Царствіи Божіемъ“. 8. Книги и журналы. 9. Адреса для связи кружковъ.

—

„ХРИШЋАНСКИ ЖИВОТ“ месечни часопис за хришћанску културу и црквени живот. Ср. Карловци. Мај 1924 г.

Содержаніе: 1. В. Арсић. У очекивању 13 маја. 2. Dr. Н. Глубоковски. Папски Рим и православни Исток. 3. Еписк. Николај Охридски. Писмо са Језера. 4. Освалд Шпенглер. Историске псеудоморфозе (Русија). 5. Са уредничког стола. 6. Унутрашњи преглед. 7. Спољашни преглед. 7. Библиографија.

—

LOWRIE, Donald. The Light of Russia. An Introduction to the Russian Church. The YMCA Press Ltd. Prague. 1922. (VI, 241 стр.).

—

„ПРОБЛЕМЫ РУССКАГО РЕЛИГІОЗНАГО СОЗНАНІЯ“. Сборникъ статей.

Содержаніе: 1. Н. Вышеславцевъ. — Религія и безрелигіозность. 2. Н. Бердяевъ. — Русская религіозная идея. 3. Л. Карсавинъ. — О сущности православія. 4. В. Зеньковскій. — Православіе и культура. 5. С. Франкъ. — Религіозно-истор. смыслъ русской революціи. 6. Н. Лосскій. — О единствѣ Церкви. 7. Арсеньевъ. — Таинство Евхаристіи въ жизни Церкви.

Изданіе Америк. Христ. Союза Мол. Людей. 1924. Берлинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская въ свѣтъ первый номеръ журнала „Странникъ" редакція считаетъ необходимымъ вкратцѣ нарисовать читателямъ обстановку въ которой родился журналъ и обстоятельства, помогшія его выходу въ свѣтъ. Русскіе студенты Богословскаго ф-та Бѣлградскаго У-та, объединившись въ октябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года въ кружокъ имени Св. Апостола и Еванг. Іоанна Богослова, одной изъ задачъ своего объединенія поставили возстановленіе старыхъ традицій русскихъ Духовныхъ Академій и въ частности изданія своего студенческаго журнала. Но поставить задачу одно, а достигнуть ея выполненія — другое. Иныя, болѣе насущныя, нужды сразу привлекли вниманіе кружка, а самая главная бѣда — отстутствіе средствъ для начала изданія — отдаляла надежду на скорое осуществленіе желаннаго выхода „Странника". На пишущей машинѣ былъ отпечатанъ и на шапирографѣ размноженъ рождественскій номеръ, по самому способу своего изданія предназначенный для тѣсной „своей" студенческой семьи. А хотѣлось болѣе многочисленной аудиторіи, болѣе широкаго объединенія интересующихся церковными вопросами вокругъ богословскаго журнала. И нужда въ немъ, чувствовалось намъ, есть, и не малая. Вѣдь, при многочисленности издаваемыхъ заграницей русскихъ книгъ и журналовъ, такъ мало выходитъ для освѣщенія церковной жизни, для обсужденія богословскихъ вопросовъ въ православно-церковномъ ихъ пониманіи. Чувствуется пробѣлъ. И заполнить этотъ пробѣлъ стало нашей цѣлью. Мы обратились къ виднымъ представителямъ богословской мысли, къ высокимъ іерархамъ и ученымъ церковнымъ авторитетамъ — и съ ихъ стороны встрѣтили полное сочувствіе, обѣщаніе сотрудничества, моральной помощи и поддержки.

Но вопросъ матеріальный, вопросъ изысканія средствъ на издательство, стоялъ во всей остротѣ. И — благодареніе все во благо устрояющему Господу — наша вѣра въ осуществленіе задуманнаго дѣла не осталась тщетной. На помощь къ намъ пришли добрые люди. Первымъ, положившимъ основной

камень изданія „Странника“ былъ членъ Приходскаго совѣта Бѣлградской русской церкви — Александръ Владиміровичъ Кисляковъ, не только внесшій свое пожертвованіе для печатнаго изданія журнала, но обѣщавшій и впредь не оставлять его своей поддержкой.

Честь и хвала — и наша благодарность ему за это.

Но гдѣ можно найти сейчасъ хорошее русское дѣло, вблизи котораго скромно и незамѣтно, но дружественно и съ активной, основательной помощью не стоялъ бы американецъ? И мы были бы несправедливы, если бы сейчасъ, въ моментъ выхода перваго номера, не отдали бы дани своей благодарности представителю Американской Церкви въ Югославіи Доктору Самуилу Ирвинъ. Д-ръ Ирвинъ еще въ моментъ зарождеиія кружка съ глубокой симпатіей отнесся къ его основатемямъ и первымъ членамъ, подробно интересовался ихъ работой и нуждами — и широко пошелъ на помощь изданію лекцій, давъ средства на пріобрѣтеніе шапирографа. Еще съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ встрѣтилъ онъ идею изданія журнала и предложилъ денежную помощь, которая поставила на прочное основаніе изданіе. Редакція считаетъ необходимымъ подчеркнуть свою глубокую благодарность Д-ру Ирвинъ, человѣку иныхъ конфессіональныхъ воззрѣній, перешагнувшему ихъ, чтобы придти на помощь дѣлу Христову. Пусть знаетъ г. д-ръ Ирвинъ, что благодарность русскихъ студентовъ къ нему только прибавляетъ свою долю къ общей благодарности русскихъ къ американскому народу, который въ бѣдствіяхъ и испытаніяхъ, охватившихъ насъ, всегда былъ нелицемѣрнымъ другомъ.

Наконецъ „Странникъ“ вышелъ въ свѣтъ. Шагъ трудный и отвѣтственный, но всего только первый шагъ, сдѣланъ. Дальнѣйшее поддержаніе и развитіе журнала зависитъ прежде всего отъ воли Божіей, а потомъ и отъ васъ, друзья-читатели. Если вы придете на помощь намъ и поддержите первые шаги наши — это будетъ намъ знакомъ, что не напрасны были труды наши, и что есть смыслъ въ нашей работѣ. Матеріальный вопросъ — самый острый вопросъ нашего дѣла — въ вашихъ рукахъ. И, сознавая свои неизбѣжныя на первыхъ порахъ промахи, не дѣлая несбыточныхъ обѣщаній, но твердо вѣря въ необходимость вѣщанія истины Христовой и борьбы со зломъ міра сего — мы представляемъ теперь не слово только, но и дѣло, вамъ, боголюбивые читатели!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Рукописи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ должны быть четко переписаны на одной сторонѣ листа. Фотографіи — не наклеены на картонѣ и отпечатаны по возможности рѣзко, на матовой бумагѣ.

КОНЕЦЪ РЕДАКЦІОННОЙ ЧАСТИ.

Открыта подписка на ежемѣсячный богословскій журналъ

„СТРАННИКЪ“

новое изданіе Кружка студентовъ богослововъ имени Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА — ВОЗМОЖНО ШИРОКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ СОВРЕМЕН. БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТ. ЖИЗНИ.

Въ частности журналъ будетъ имѣть слѣдующіе отдѣлы:

1. Статьи и изслѣдованія по богословскимъ, религіозно-философскимъ, историческимъ и церковно-общественнымъ вопросамъ.
2. Слова, рѣчи, поученія, бесѣды современныхъ проповѣдниковъ.
3. Очерки, разсказы, стихотворенія, соотвѣтствующіе богословскому направленію журнала.
4. Лѣтопись церковной жизни Православной и Западной Церкви.
5. Библіографія — отзывы и сообщенія о новыхъ книгахъ религіознаго содержанія.
6. Переписка съ читателями и отвѣты на недоумѣнные вопросы церковной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Митрополитъ Антоній, прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ, прив.-доц. С. С. Безобразовъ, прив.-доц. М. А. Георгіевскій, проф. Н. Н. Глубоковскій, профессоръ А. П. Доброклонскій, священникъ В. Неклюдовъ, І. П. Расторгуевъ, проф. С. В. Троицкій, протоіерей С. Четвериковъ и др.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 4-хъ до 6-ти печатныхъ листовъ (64 — 96 стр.).

ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ направлять на имя священника Владислава Неклюдова, ул. Кн. Љубице, 42, Београд, Сербія.

РУКОПИСИ — редактору Іосифу Петровичу Расторгуеву, Богословски факултет., Крунска, 13, Београд, Сербія.

Подписн. цѣна съ перес.: для Югосл.: до конца года (8 ном.) — 150 дин. на 4 мѣс. (4 ном.) — 75 дин. Для Зап. Европы до конца года — 60 фран. Для русскаго духовенства въ Польшѣ 50 фр. фр.